

A romantic scene featuring a man and a woman in period clothing standing in a lush garden. The man is wearing a dark green coat and light-colored trousers, while the woman is in a maroon dress with a patterned bodice and a long, draped shawl. They are positioned in front of a stone bridge over a lake, with two white swans swimming in the water. The scene is framed by hanging purple wisteria flowers and a large planter of red roses. The overall atmosphere is serene and romantic.

ДЖУЛИЯ КУИН

БРИДЖЕРТОНЫ

— — — — —
ПРЕДЛОЖЕНИЕ
ДЖЕНТЛЬМЕНА

Читайте книги – смотрите сериал!

Бриджертоны

Джулия Куин

Предложение джентльмена

«Издательство АСТ»

2001

Куин Д.

Предложение джентльмена / Д. Куин — «Издательство АСТ»,
2001 — (Бриджертоны)

ISBN 978-5-17-135962-1-3

Перед вами – самая забавная, самая романтическая версия «Золушки», которая только может существовать в жанре любовного романа! Это история юной Софи Бекетт, сбежавшей от коварной мачехи на бал-маскарад – и повстречавшей там совсем не принца. Потому что легкомысленный повеса, ловелас и покоритель сердец Бенедикт Бриджертон может, конечно, открыть для неопытной девушки двери в соблазнительный мир пылкой страсти, но вряд ли способен принять на себя роль спасителя. Или... способен? Ведь настоящая любовь творит чудеса!.. Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес: Журнале

ISBN 978-5-17-135962-1-3

© Куин Д., 2001
© Издательство АСТ, 2001

Содержание

Пролог	5
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4	38
Глава 5	45
Часть вторая	52
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Джулия Куин

Предложение джентльмена

Пролог

Все знали, что Софи Бекетт незаконнорожденная.

И всем слугам было об этом известно. Но они любили малышку Софи. Они полюбили ее с самого первого дня ее появления в Пенвуд-Парке, когда дождливой июльской ночью обнаружили на пороге дома трехлетнюю крошку, закутанную в огромное пальто. А поскольку они любили ее, то сделали вид, что поверили шестому в роду Пенвудов графу, когда тот сообщил им, что Софи – осиротевшая дочь его старого друга. И хотя все заметили, что зеленые, как мох, глаза Софи и темно-русые волосы – точь-в-точь как у графа, овал лица – как у его недавно умершей матери, а улыбка – точная копия улыбки его сестры, никто об этом и словом не обмолвился из жалости к Софи и из боязни лишиться места.

Граф, Ричард Ганнингуорт, никогда не говорил ни о самой Софи, ни о ее происхождении, однако ему наверняка было известно, что она незаконнорожденная. Никто не знал содержания письма, обнаруженного экономкой в кармане пальто в ту самую дождливую полночь: граф сжег его тотчас же по прочтении. Понаблюдав за тем, как бумага вспыхнула, обуглилась, съежилась и рассыпалась в прах, граф приказал приготовить для Софи детскую. Там она с тех пор и жила. Он звал ее Софи, а она его – «милорд», и встречались они, только когда граф возвращался домой из Лондона, что бывало нечасто.

Но самым главным, пожалуй, было то, что Софи знала о своем происхождении, и знала об этом, похоже, всю жизнь, хотя откуда – сказать не могла. Из своей прошлой жизни, до приезда в Пенвуд-Парк, она мало что помнила, однако долгое путешествие в карете через всю Англию врезалось ей в память, равно как запомнилась и бабушка, худая как щепка старуха, которая, беспрестанно кашляя и сморкаясь, сообщила, что теперь малышка будет жить со своим отцом. Но отчетливее всего запомнилось то, как она стояла у двери под проливным дождем, зная, что бабушка прячется в кустах и ждет, когда Софи заберут в дом.

Когда это произошло и Софи отвели к графу, он, взяв ее за подбородок, повернул лицом к свету. Они оба понимали, кто есть кто.

Итак, все знали, что Софи незаконнорожденная, но никто об этом не говорил, и всех такое положение вещей вполне устраивало.

Так продолжалось до тех пор, пока граф не надумал жениться.

Софи обрадовалась, когда об этом услышала. Экономка узнала от дворецкого, что, по словам секретаря графа, он решил обзавестись семьей и собирается проводить в Пенвуд-Парке больше времени. И хотя Софи не слишком скучала по графу в его отсутствие – трудно скучать по человеку, который не обращает на тебя внимания, – она полагала, что могла бы скучать по нему, если бы узнала его получше. Хорошо осведомленная горничная сказала, что у будущей жены графа уже есть две дочери и они приблизительно такого же возраста, что и Софи.

И Софи, прожившая одна-одинешенька в детской в течение семи лет, пришла в восторг. В отличие от соседских детей ее никогда не приглашали ни на какие детские праздники. Никто не говорил ей в глаза, что она незаконнорожденная – ведь это было бы равносильно тому, чтобы назвать графа, однажды объявившего, что Софи его подопечная, лгуном. Но в то же время граф никогда не настаивал на том, чтобы Софи принимали в приличном обществе. И поэтому лучшими друзьями Софи, которой исполнилось десять лет, были горничные и лакеи, а родителей заменяли экономка и дворецкий.

Но теперь у нее будут настоящие сестры!

Она понимала, что не сможет называть их сестрами. Знала, что ее представят как Софи Марию Бекетт, подопечную графа, но они будут чувствовать себя сестрами, а это самое главное.

И вот однажды ясным февральским днем Софи вместе с другими слугами стояла в большом холле, дожидаясь, когда на подъездной аллее покажется графская карета с новоиспеченной графиней, двумя ее дочерьми и, конечно, графом.

– Как вы думаете, она меня полюбит? – шепотом спросила Софи миссис Гиббонз, экономку. – Жена графа?

– Ну конечно, милая, – прошептала миссис Гиббонз в ответ, однако в ее глазах в отличие от тона не было такой уверенности. Новоиспеченная графиня могла и не слишком терпимо отнестись к присутствию в доме внебрачного ребенка своего мужа.

– И я буду заниматься вместе с ее дочками?

– Ну конечно. Какой смысл учить тебя отдельно?

Софи задумчиво кивнула и, увидев в окно, что на подъездной аллее показалась карета и покатила к дому, запрыгала и восторженно прошептала:

– Приехали!

Миссис Гиббонз протянула руку, чтобы погладить ее по головке, но Софи уже мчалась к окну, а добежав, так и прилипла к стеклу.

Первым из кареты вышел граф и помог спуститься двум девочкам, одетым в одинаковые черные пальтишки. Только ленты в волосах у них были разного цвета: у одной розовая, а у другой черная. Девочки отошли в сторонку, а граф протянул руку и помог выйти из кареты последней пассажирке.

С замиранием сердца Софи ждала появления графини.

– Пожалуйста, Господи, – прошептала она, скрестив на счастье пальцы.

«Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы она меня полюбила».

Если бы графиня ее полюбила, может быть, и граф бы ее полюбил, и, может быть, даже если бы и не называл ее дочкой, но относился бы к ней как к таковой, и они стали бы настоящей семьей.

И вот новоиспеченная графиня вышла из кареты. Каждое ее движение было грациозным и безупречным, и Софи вдруг вспомнился изящный жаворонок, прилетавший время от времени к ним в сад поплескаться в ванночке для птиц. Графиня очень его напоминала. Сходство усиливало длинное бирюзовое перо на шляпке, переливавшееся под холодными солнечными лучами.

– Какая же она красивая, – прошептала Софи. Она оглянулась на миссис Гиббонз, но экономка стояла по стойке «смирно», не отрывая глаз от двери, и ждала, когда появится граф во главе своего новоиспеченного семейства и начнется официальное представление.

Софи судорожно сглотнула. Где же она должна стоять? Похоже, каждый знал свое место. Слуги выстроились в линейку согласно занимаемому в доме положению: от дворецкого до судовой. Даже собаки смирно сидели в углу. Их держал на поводке обер-егермейстер.

А Софи не знала, куда ей становиться. Если бы она была по-настоящему дочерью хозяина дома, она должна была бы стоять рядом с гувернанткой. Если бы по-настоящему подопечной графа – то там же. Но мисс Тиммонз простудилась и отказалась выходить из детской и спускаться вниз. Никто из слуг ни на секунду не поверил, что гувернантка в самом деле больна – вчера она была абсолютно здорова, – однако обвинять ее ни у кого язык не повернулся. В конце концов, Софи была незаконнорожденной дочерью графа. А кому приятно оскорблять новоиспеченную графиню, представляя ей внебрачного отпрыска мужа?

А то, что Софи именно внебрачная дочь и никакая не подопечная, было видно невооруженным глазом, и графиня должна была быть слепой и наивной – или и той и другой, – чтобы этого не заметить.

Вне себя от страха и смущения, Софи забилась в угол, и в этот момент два лакея широким жестом распахнули парадные двери. Первыми вошли две девочки и отошли в сторону, давая дорогу графу, который торжественно ввел в дом графиню. Граф представил графиню и ее дочерей дворецкому, а дворецкий представил их слугам.

А Софи ждала.

Дворецкий представил хозяевам лакеев, главного повара, экономку, конюхов.

А Софи ждала.

Он представил кухарок, горничных и судомоек.

А Софи ждала.

И наконец, дворецкий – его звали Рамзи – представил судомойку по имени Далси, которую наняли всего неделю назад и которая занимала самое скромное положение среди низшей прислуги. Граф кивнул, пробормотал слова благодарности, а Софи все ждала, понятия не имея, что ей делать.

И решила. Откашлявшись, она вышла вперед, смущенно улыбаясь. Она не много времени провела с графом, но всякий раз, когда он приезжал в Пенвуд-Парк, ее приводили к нему, и он всегда уделял ей несколько минут, спрашивал об уроках, после чего нетерпеливо приказывал ей возвращаться в детскую.

Наверняка он снова захочет спросить, как продвигается ее учеба, решила Софи, хотя и женился. Ведь интересно же ему узнать, что она уже освоила умножение дробей и что мисс Тиммонз совсем недавно похвалила ее, сказав, что у нее отличное французское произношение.

Но граф ее не слышал. Он в этот момент что-то говорил дочкам графини. Софи снова откашлялась, на сей раз громче, и тихонько пискнула:

– Милорд?

Граф обернулся.

– А, Софи, – пробормотал он. – Я и не знал, что ты в холле.

Софи так и просияла: он все-таки обратил на нее внимание.

– А это кто такая? – спросила графиня и шагнула вперед, чтобы лучше рассмотреть девочку.

– Моя подопечная, – ответил граф. – Мисс Софи Бекетт.

Графиня внимательно взглянула на Софи и слегка прищурилась.

Потом еще и еще, пока, наконец, глаза ее не превратились в узкие щелочки.

– Понятно, – проговорила она.

И все в холле тотчас же догадались, что именно ей понятно.

– Розамунд, Пози, ко мне, – скомандовала графиня.

Девочки тотчас же подошли к матери и встали от нее по обеим сторонам. Младшая улыбнулась Софи, однако старшая, с волосами золотистого цвета, взяла пример с матери: задрала нос, решительно отвернулась.

Софи сглотнула и снова улыбнулась младшей девочке, выказавшей ей больше дружелюбия, однако на сей раз та нерешительно прикусила нижнюю губу и уставилась в пол.

Повернувшись к Софи спиной, графиня обратилась к графу:

– Полагаю, вы распорядились приготовить комнаты для Розамунд и Пози?

Он кивнул:

– Рядом с детской, которую занимает Софи.

Наступило долгое молчание. Наконец, решив, по-видимому, что некоторые сражения нельзя проводить в присутствии слуг, графиня объявила:

– Сейчас мне хотелось бы подняться наверх.

И она ушла, забрав с собой графа и дочерей.

Софи проводила их взглядом, а когда они поднялись по лестнице и скрылись из вида, повернулась к миссис Гиббонз и спросила:

– Как вы думаете, может быть, мне пойти помочь им? Я могла бы показать девочкам детскую.

Миссис Гиббонз покачала головой.

– У них такой усталый вид, – соврала она. – Думаю, им не помешает немного поспать.

Софи нахмурилась. Ей сказали, что Розамунд одиннадцать лет, а Пози десять. Такие большие дети днем уже не спят.

Погладив ее по спине, миссис Гиббонз предложила:

– Почему бы тебе не пойти со мной? Я не возражаю против твоего общества, и кухарка мне сказала, что только что испекла песочное печенье. Должно быть, оно еще не остыло.

Софи кивнула и вышла следом за экономкой из холла. До вечера еще уйма времени. Успеет показать им детскую и познакомиться с ними поближе. Они станут подругами, а вскоре и самыми настоящими сестрами.

Софи улыбнулась. Как это здорово – иметь сестер!

Однако ни Розамунд, ни Пози – равно как и графа с графиней – Софи в тот день больше не увидела. Когда она вошла в детскую поужинать, то заметила, что стол накрыт на двоих, а не на четверых, а мисс Тиммонз – поразительно быстро поправившаяся после тяжелой болезни – сказала, что новая графиня предупредила ее, что Розамунд и Пози слишком устали с дороги и не будут сегодня ужинать.

Но поскольку девочкам нужно было заниматься, то на следующее утро они появились в детской. Впереди шествовала графиня, за ней, еле передвигая ноги, – Розамунд и Пози. Софи, которая занималась арифметикой уже целый час, обрадовалась передышке. Однако на сей раз она не стала улыбаться девочкам. Почему-то ей показалось, что лучше этого не делать.

– Мисс Тиммонз, – обратилась к гувернантке графиня.

– Да, миледи? – пробормотала та, поспешно присев в реверансе.

– Граф мне сказал, что вы будете учить моих дочерей.

– Я приложу все усилия, миледи.

Графиня указала на старшую девочку, ту, у которой были золотистые волосы и васильковые глаза. Софи она показалась необыкновенно хорошенькой: совсем как фарфоровая кукла, которую граф прислал из Лондона на день рождения, когда ей исполнилось семь лет.

– Это Розамунд. Ей одиннадцать лет. А это... – она указала на другую девочку, не отрывавшую взгляда от своих туфель, – Пози. Ей десять.

Софи с большим интересом взглянула на Пози. В отличие от матери и сестры волосы у нее были темные, глаза карие, а щеки пухловатые.

– Софи тоже десять, – сообщила мисс Тиммонз.

Графиня поджала губы.

– Я бы хотела, чтобы вы показали девочкам сад.

Мисс Тиммонз кивнула:

– Хорошо, миледи. Софи, положи доску. Мы вернемся к арифметике...

– Только моим девочкам, – перебила ее графиня, и в голосе ее послышались одновременно и раздраженные, и холодные нотки. – А я пока поговорю с Софи.

Судорожно сглотнув, Софи попыталась взглянуть графине в глаза, однако выше подбородка взгляд ее подняться не смог. Как только мисс Тиммонз вывела Розамунд и Пози из комнаты, она встала, ожидая от новой жены отца дальнейших указаний.

– Я знаю, кто ты, – заявила графиня, как только захлопнулась дверь.

– К... кто, миледи?

– Ты его незаконнорожденная дочь, и не смей этого отрицать.

Софи промолчала. Графиня сказала чистую правду, однако до нее никто никогда не проносил этого вслух. По крайней мере не говорил ей в лицо.

Ухватив Софи за подбородок, графиня сильно сжала его и запрокинула голову девочки вверх, заставив смотреть себе в глаза.

– А теперь послушай меня, – проговорила она голосом, полным злобы. – Пусть ты и живешь в Пенвуд-Парке и будешь заниматься вместе с моими дочерьми, но ты всего лишь подкидыш и навсегда ею останешься. Никогда – слышишь ты? – никогда не считай себя нам равной.

Софи тихонько застонала: ногти графини больно впились ей в подбородок.

– Мой муж, – продолжала графиня, – почему-то считает, что он перед тобой в долгу. Что ж, его желание исправлять свои ошибки достойно восхищения, но мне оскорбительно видеть тебя в своем доме. Видеть, как тебя кормят, одевают, учат, словно ты его настоящая дочь.

«Но я и есть его настоящая дочь, – хотелось крикнуть Софи. – И я живу в этом доме гораздо дольше вас!»

Неожиданно графиня отпустила подбородок Софи и прошипела:

– Я не хочу тебя видеть и запрещаю тебе приближаться ко мне. Я запрещаю тебе разговаривать с Розамунд и Пози вне уроков. Они теперь дочери хозяина дома и не должны иметь с такими, как ты, ничего общего. Тебе все понятно?

Софи кивнула.

– Хорошо, – бросила графиня и выплыла из комнаты.

А Софи осталась стоять ни жива ни мертва, чувствуя, что еще немного – и она разрыдается.

Со временем Софи стало известно немного больше о своем сомнительном положении в доме. Слуги всегда все знают, и то, что они узнавали, в конце концов доходило и до Софи.

Графиня – звали ее Араминта – в самый первый день потребовала, чтобы Софи убрали из дома. Граф отказался. От Араминты вовсе не требуется любить Софи, холодно заявил он, но считаться с ее присутствием придется. Он уже в течение семи лет выполняет свои обязательства по отношению к девочке, намерен это делать и впредь.

Розамунд и Пози, взяв пример с матери, относились к Софи холодно и враждебно, однако Пози не отличалась такой жестокостью, как сестра. Для Розамунд самым большим удовольствием было щипать Софи за руку с тыльной стороны, где кожа самая нежная, когда мисс Тиммонз не видит. Софи никогда не жаловалась: вряд ли у гувернантки хватило бы смелости сделать Розамунд выговор – та наверняка наябедничала бы Араминте, – а если кто-то и замечал, что руки ее вечно покрыты черно-синими отметинами, ничего об этом не говорил.

Временами Пози относилась к Софи по-доброму, хотя чаще лишь вздыхала и произносила:

– Мама говорит, чтобы я близко к тебе не подходила. Что касается графа, то он никогда не вмешивался.

Так и жила Софи на протяжении четырех лет, до того дня, когда граф поразил всех. Схватившись рукой за грудь во время чаепития в розовом саду, он прерывисто охнул и упал лицом вниз, прямо на каменный пол.

В сознание он так больше и не пришел.

Все были поражены, графу исполнилось всего сорок лет. Кто знал, что в таком молодом возрасте у него вдруг перестанет работать сердце? Но больше всех была потрясена Араминта, с первой брачной ночи безуспешно пытавшаяся зачать наследника, появление на свет которого имело бы огромное значение.

– Я могу быть беременна, – твердила она поверенным графа. – Вы не вправе передавать титул дальнему родственнику.

Но беременной она не была, и когда месяц спустя прочитали завещание графа – поверенные дали графине время, чтобы она удостоверилась в том, что не ждет ребенка, – Араминта

была вынуждена сидеть рядом с новоиспеченным графом – непутевым молодым человеком, который чаще бывал пьяным, чем трезвым.

Вначале в завещании графа никаких сюрпризов не было. Он оставил некоторую сумму денег преданным слугам. Выделил щедрую сумму на приданое Розамунд, Поззи и даже Софи.

Но когда дошла очередь до Араминты, произошло неожиданное.

«Моей жене, Араминте Ганнингуорт, графине Пен-вуд, я завещаю ежегодный доход в две тысячи фунтов...»

– И это все? – воскликнула пораженная Араминта.

«...если она не согласится взять на себя заботу о моей подопечной, мисс Софии Марии Бекетт, до достижения последней двадцатилетнего возраста. В противном случае ее ежегодный доход утраивается и будет составлять шесть тысяч фунтов».

– Но я не желаю о ней заботиться, – прошептала Араминта.

– Вы можете этого и не делать, – напомнил ей поверенный. – В этом случае вы будете жить на...

– На жалкие две тысячи в год? – выпалила Араминта. – Ну уж нет!

Поверенный, имевший гораздо меньшую сумму, промолчал.

Новоиспеченный граф, не забывавший во время прочтения завещания прикладываться к бокалу, лишь пожал плечами.

Араминта встала.

– Каково ваше решение? – спросил поверенный.

– Я согласна, – тихо ответила Араминта.

– Мне привести девочку и все ей рассказать? Араминта покачала головой:

– Я сама это сделаю.

Но когда Араминта нашла Софи, она рассказала ей не все, а упустила несколько важных фактов...

Часть первая

Глава 1

Самым знаменательным событием этого года – гвоздем сезона – можно с уверенностью считать бал-маскарад, который должен состояться в следующий понедельник в особняке Бриджертонов. Право, сейчас и шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на какую-нибудь велико светскую мамашу, рассуждающую либо о том, кого пригласят на этот бал, либо – что, пожалуй, самое важное – о том, кто во что будет одет.

Однако ни одна из вышеназванных тем не вызывает такого интереса, как самая в последнее время животрепещущая. И касается она двух неженатых братьев Бриджертонов, Бенедикта и Колина. (Предвосхищая возражения, что, мол, есть еще и третий неженатый Бриджертон, позвольте автору этих строк заверить вас, что она полностью в курсе существования Грегори Бриджертона. Однако ему всего лишь четырнадцать лет, а посему он не может иметь никакого отношения к теме данной колонки, касающейся самого почитаемого из всех видов спорта: охоты на женихов.)

И хотя мистеры Бриджертоны не являются носителями громких титулов, они по-прежнему считаются самыми завидными женихами этого сезона. Всем хорошо известен тот факт, что они владеют завидным состоянием и отличаются – это относится ко всем восьми отпрыскам Бриджертонов – весьма привлекательной внешностью.

Посчастливится ли какой-нибудь юной леди, воспользовавшись таинственностью маскарада, заманить в свои сети одного из самых блестящих женихов?

Автор этих строк даже не осмеливается об этом размышлять.

*«Светская хроника леди Уистлдаун»,
31 мая 1815 года*

– Софи! Софи-и-и!

От этих истошных воплей в окнах задрожали стекла.

– Иду, Розамунд! Иду! – крикнула Софи, чувствуя, что, если сестрица позовет ее еще раз, у нее лопнут барабанные перепонки. Подхватив грубые шерстяные юбки, Софи помчалась вверх по лестнице. На четвертой ступеньке она поскользнулась и уже готова была приземлиться, но вовремя ухватила за перила. И как это она забыла, что ступеньки скользкие? Ведь сама не далее как сегодня утром помогала горничной натирать их воском.

Затормозив на пороге спальни Розамунд и все еще тяжело дыша, Софи спросила:

– Да?

– Чай остыл.

Софи так и подмывало сказать: «Когда я принесла его тебе час назад, он был горячий. Нужно было сразу пить, паршивка ты эдакая!»

Но она сказала лишь:

– Я принесу тебе другой чайник.

– И побыстрее! – приказала Розамунд.

Растянув губы в улыбке – хотя эту гримасу лишь слепой мог бы принять за улыбку, – Софи взяла поднос с чайными принадлежностями.

– Бисквиты оставить? – спросила она.

Розамунд энергично замотала головой:

– Принеси свежие.

Сгибаясь под тяжестью подноса с чайником, чашками, тарелками и прочим, Софи вышла из комнаты, сдерживаясь, чтобы не высказать Розамунд все, что она о ней думает. Розамунд вечно требовала принести ей чай, потом забывала про него, а когда вспоминала, он уже был холодный и она приказывала принести горячий.

А для Софи это означало бесконечную беготню по лестнице вверх-вниз, вверх-вниз. Иногда ей казалось, что она всю жизнь занимается тем, что бежит вверх и вниз.

И кроме того, чинит, гладит, причесывает, чистит, штопает, убирает...

– Софи!

Софи обернулась: к ней направлялась Поззи.

– Софи, я хотела тебя спросить: как ты думаешь, мне идет этот цвет?

Софи окинула костюм русалки, выбранный Поззи для бала-маскарада, оценивающим взглядом. Покрой его не слишком шел толстушке Поззи, а вот цвет выигрышно подчеркивал лицо.

– Зеленое тебе идет, – искренне ответила Софи. – Очень освежает.

– Правда? Я так рада. Ты мне всегда даешь такие хорошие советы относительно одежды. – Улыбнувшись, Поззи протянула руку и взяла с подноса обсыпанный сахаром бисквит. – Мама мне все уши прожужжала про этот бал-маскарад, и если я не буду выглядеть отлично, она меня убьет. Вернее... – Поззи поморщилась, – если, по ее мнению, я не буду выглядеть отлично. Она ведь рассчитывает, что одна из нас непременно отхватит кого-нибудь из неженатых братьев Бриджертонов. Ты это знаешь?

– Знаю.

– И хуже всего то, что эта леди Уистлдаун, которая пишет обо всех светских новостях, снова о них написала. Это лишь... – закончив жевать, Поззи замолчала, чтобы проглотить, – возбуждает мамин аппетит.

– А в сегодняшней утренней колонке есть что-нибудь интересное? – спросила Софи, сдвинув поднос на бедро, чтобы было не так тяжело держать. – Мне пока что не удалось ее почитать.

– Да как обычно, – отмахнулась Поззи. – Все одно и то же. Скукотища.

Софи попыталась улыбнуться и не смогла. Больше всего на свете ей хотелось хотя бы денек пожить скучной жизнью Поззи. Она бы ничуть не возражала против балов, приемов и музыкальных вечеров. Вот только чтобы матерью ее была не Араминта.

– Сейчас вспомню поподробнее. Что же там было? – Поззи призадумалась. – Ах да. Про бал, который устраивала недавно леди Уорт, немного про виконта Гелфа, который вдруг воспылал страстью к какой-то девице-шотландке, но больше всего про предстоящий бал-маскарад у Бриджертонов.

Софи вздохнула. Она уже в течение нескольких недель читала про этот бал-маскарад. И хотя была всего лишь личной горничной (и периодически еще и простой горничной, когда Араминте вдруг приходило в голову, что она слишком мало работает), мечтала о том, чтобы на него попасть.

– Я была бы просто в восторге, если бы этот виконт Гелф женился, – заметила Поззи, протягивая руку за вторым бисквитом. – Это означало бы, что одним потенциальным женихом, которых мама прочит мне в мужья, стало бы меньше. Впрочем, вряд ли он обратил бы на меня внимание. – Она откусила кусок бисквита и принялась громко чавкать. – Надеюсь, леди Уистлдаун про него не придумала.

– Наверное, нет, – ответила Софи. Она читала «Светская хроника леди Уистлдаун» с 1813 года, то есть с выхода в свет первого номера, и знала, что в вопросах женитьбы эта достойная леди почти никогда не ошибается.

У Софи никогда, естественно, не было возможности взглянуть на ярмарку невест собственными глазами, но, постоянно читая газету леди Уистлдаун, можно было и без посещения

балов знать все о представителях лондонского великосветского общества и даже чувствовать себя причастной к нему.

Фактически чтение светской хроники было самым любимым времяпрепровождением Софи. Она уже перечитала все книги в библиотеке, а поскольку ни Араминта, ни ее дочери не отличались любовью к чтению, ждать новых поступлений было бесполезно. Так что газета леди Уистлдаун была для нее манной небесной.

Впрочем, читать ее было одно удовольствие. Никто не знал, кто скрывается под этим псевдонимом. Когда два года назад вышел первый номер газеты, выпускаемой на одном листе, каких только не строили догадок. И даже сейчас, когда леди Уистлдаун преподносила очередную, особенно пикантную сплетню, люди снова начинали строить догадки, кто мог так быстро отреагировать на события и с такой точностью их описать.

Что касается Софи, то газета леди Уистлдаун давала ей восхитительную возможность заглянуть в мир, который мог бы принадлежать и ей, если бы ее родители поженились. Тогда она была бы дочерью графа, а не его внебрачным ребенком и фамилия ее была бы Ганнингуорт, а не Бекетт.

Как бы ей хотелось хоть однажды сесть в карету и отправиться на бал!

А вместо этого приходилось наряжать для этой цели других: затягивать в корсет Пози, делать прически Розамунд, чистить туфли Араминте.

Но Софи не могла – или по крайней мере не должна была – жаловаться. Хотя ей и приходилось прислуживать Араминте и ее дочерям, у нее все-таки была крыша над головой. Большинство девушек ее положения не имели и этого.

Ведь когда отец умер, он не оставил ей ничего. Ничего, за исключением крыши над головой. В завещании говорилось, что до достижения ею двадцатилетнего возраста ей не имеют права отказать от дома. Разве посмела бы Араминта потерять четыре тысячи фунтов в год, выгнав Софи из дома? Да она даже помыслить об этом не могла!

Но эти четыре тысячи принадлежали Араминте, а не Софи, и девушка не видела из них ни пенса. Красивую одежду, которую она привыкла носить, сменили платья из грубой шерсти – одежда слуганок. Еда тоже претерпела изменения. Теперь Софи ела то, что и остальная прислуга, – остатки трапезы Араминты, Розамунд и Пози.

Прошел уже почти год с тех пор, как Софи исполнилось двадцать, однако она по-прежнему жила в Пенвуд-Хаусе и прислуживала Араминте не за страх, а за совесть. По какой-то неведомой причине – скорее всего потому, что ей не хотелось обучать новую горничную, а потом еще и платить ей, – Араминта позволила Софи остаться.

И Софи осталась. Если выбирать между Араминтой и остальным миром, то уж лучше первое. От Араминты хотя бы знаешь, чего ожидать...

– Тебе не тяжело?

Софи захлопала глазами, возвращаясь к действительности, и взглянула на Пози: та брала с подноса последний бисквит. Вот черт! А она-то надеялась сама его съесть.

– Довольно тяжело. Мне бы хотелось поскорее отнести его на кухню.

Пози улыбнулась:

– Я тебя долго не задержу. Но когда ты отнесешь поднос, не погладишь ли ты мне розовое платье? Я собираюсь надеть его сегодня вечером. Да, и приготовь к нему розовые туфли. Их придется почистить. В последний раз, когда я их надевала, они немного запачкались, а ты ведь знаешь, что мама не выносит грязной обуви. И хотя туфель не видно из-под юбки, она заметит даже самое крохотное пятнышко, когда я буду садиться в карету.

Софи кивнула, мысленно прибавив просьбу Пози к длинному перечню ежедневных обязанностей.

– Вот и хорошо. Позже увидимся, – бросила Пози и, жуя последний бисквит, повернулась и исчезла в своей комнате.

А Софи побрела в кухню.

Несколько дней спустя Софи с булавками во рту стояла на коленях перед Араминтой, занимаясь ее маскарадным костюмом. Платье королевы Елизаветы, только что доставленное от портнихи, сидело на ней как влитое, однако Араминта заявила, что оно чуть-чуть широковато в талии, и заставила Софи исправить эту погрешность.

– А теперь? – пробормотала Софи, почти не разжимая губ, боясь выронить булавки.

– Слишком тесно.

Софи переставила несколько булавок.

– А так?

– Слишком широко.

Вытащив булавку, Софи воткнула ее на первоначальное место.

– Ну вот. Так лучше?

Повертевшись из стороны в сторону, Араминта наконец изрекла:

– Нормально.

Улыбаясь про себя, Софи встала и помогла Араминте снять платье.

– Чтобы через час было готово, – приказала та, – иначе мы опоздаем на бал.

– Конечно, – пробормотала Софи. Она уже давно поняла, что с Араминтой лучше всегда соглашаться.

– Этот бал для нас очень важен! – резко бросила Араминта. – В этом году Розамунд должна найти себе подходящего мужа. Новый граф... – Она раздраженно пожала плечами. Нового графа Араминта по-прежнему считала человеком, посягнувшим на чужое, хотя он был самым близким родственником по мужской линии ее покойного мужа. – Этот... гм... не буду говорить кто, предупредил меня, что это последний год, когда мы можем пользоваться Пенвуд-Хаусом в Лондоне. Наглец, да и только! Ведь я не кто-нибудь, а вдовствующая графиня, а Розамунд и Поза – дочери графа.

«Не дочери, а падчерицы», – мысленно поправила Софи.

– У нас есть полное право пользоваться Пенвуд-Хаусом во время сезона. И зачем ему этот дом, ума не приложу.

– Может быть, он сам собирается в нем жить? – выдвинула предположение Софи. – Наверняка он планирует посещать званые вечера и балы, чтобы подыскать себе жену. Ведь ему, вероятно, нужен наследник.

– Если Розамунд не выйдет замуж за богатого человека, не знаю, что мы будем делать, – нахмурилась Араминта. – Сейчас так трудно снять подходящий дом. И так дорого.

Софи могла бы напомнить Араминте, что по крайней мере ей не нужно платить за личную горничную – более того, она сама получала за пользование ею по четыре тысячи фунтов в год, пока Софи не исполнилось двадцать лет, – однако воздержалась от комментариев.

Араминта щелкнула пальцами.

– И не забудь припудрить волосы Розамунд.

Розамунд решила отправиться на бал в костюме Марии Антуанетты. Софи спросила, не собирается ли она нарисовать вокруг шеи кроваво-красное кольцо, однако Розамунд даже не улыбнулась.

Араминта надела платье и быстрым, заученным движением завязала пояс.

– И Поза... – она недовольно поморщилась, – наверняка потребуется твоя помощь.

– Я всегда рада помочь Позе, – ответила Софи.

Араминта прищурилась, пытаясь понять, не издевается ли над ней Софи, и проговорила, выделяя голосом каждое слово:

– От тебя лишь требуется, чтобы ты ей помогла. – И, повернувшись, вышла из комнаты.

Софи шутливо отдала честь закрытой двери, но едва успела убрать руку, как дверь снова распахнулась.

– А, так вот ты где, Софи! – воскликнула Розамунд, врываясь в комнату. – Мне немедленно нужна твоя помощь.

– Боюсь, тебе придется подождать, пока я...

– Я сказала: немедленно! – взвизгнула Розамунд.

Софи расправила плечи и, холодно взглянув на нее, проговорила:

– Твоя мама приказала мне переделать ее маскарадный костюм.

– Вытащи булавки и скажи, что переделала. Она все равно ничего не заметит.

Софи, которая как раз об этом подумывала, едва не застонала от досады. Если она последует совету Розамунд, сестрица растрезвонит об этом на следующий же день, и Араминта будет рвать и метать целую неделю. Так что теперь, хочешь не хочешь, придется переделывать платье.

– А что тебе нужно, Розамунд?

– У моего костюма на подоле дырка. Понятия не имею, откуда она взялась.

– Может быть, когда ты его примеряла...

– Оставь свои соображения при себе!

Софи замолчала. Ей было гораздо труднее сносить приказы от Розамунд, чем от Араминты, наверное, потому, что когда-то они находились в равном положении, сидели за одной партой и имели одну и ту же гувернантку.

– Дырку нужно немедленно зашить, – приказала Розамунд, недовольно фыркнув.

Софи вздохнула:

– Принеси платье. Я зашью дырку сразу же после того, как переделаю маскарадный костюм твоей мамы. Не беспокойся, я успею до того, как тебе нужно будет ехать на бал.

– Я не собираюсь опаздывать, – предупредила Розамунд. – Если это произойдет, я тебе голову оторву.

– Ты не опоздаешь, – пообещала Софи.

Презрительно фыркнув, Розамунд направилась к двери за костюмом.

– Ой!

Софи подняла голову: в дверях Розамунд столкнулась с Пози.

– Смотри, куда идешь, Пози! – рявкнула Розамунд.

– Это ты смотри! – отрезала Пози.

– Я смотрела. Но ведь такую толстуху, как ты, не обойдешь!

Вспыхнув, Пози отступила в сторону.

– Тебе что-то нужно, Пози? – спросила Софи, как только Розамунд скрылась из виду.

Пози кивнула.

– Не могла бы ты найти немного времени, чтобы меня причесать? Я нашла зеленые ленты, которые очень похожи на водоросли.

Софи тяжело вздохнула. Темно-зеленые ленты не слишком шли к темным волосам Пози, однако у нее не хватило духу ей об этом сказать.

– Постараюсь, Пози, но мне еще нужно зашить платье Розамунд и привести в порядок платье твоей маме.

– Вот как... – уныло проговорила Пози, и у Софи заняло сердце. Пози была единственной в доме, не считая слуг, кто выказывал ей хоть немного добра.

– Не беспокойся, – заверила ее Софи. – Я причешу тебя, даже если это отнимет у меня много времени.

– Ой, спасибо тебе, Софи! Я...

– Ты что, еще не начала переделывать мне платье? – раздался грозный голос Араминты, которая только что вернулась из умывальной комнаты.

– Я разговаривала с Розамунд и Пози, – поспешно проговорила Софи. – Розамунд порвала платье и...

– Приступай к работе!

– Хорошо. Уже иду. – Софи плюхнулась на кушетку и вывернула платье наизнанку, чтобы добраться до талии изнутри. – Бегу. Спешу и падаю.

– Что это ты там бормочешь? – строго спросила Араминта.

– Ничего.

– Сейчас же прекрати бормотать! Меня это раздражает!

Софи стиснула зубы.

– Мама, – вмешалась Пози, – Софи причешет меня сегодня, как...

– Естественно, она тебя причешет! Перестань здесь торчать и немедленно иди и положи на глаза компресс. Они у тебя такие опухшие.

– У меня опухшие глаза? – удрученно пробормотала Пози.

Софи поспешно покачала головой: вдруг Пози на нее посмотрит и заметит.

– У тебя всегда опухшие глаза! – отрезала Араминта. – Правда, Розамунд?

Пози и Софи одновременно бросили взгляд на дверь. В комнату вошла Розамунд, неся свой маскарадный костюм Марии Антуанетты.

– Правда, – подтвердила она. – Но я уверена, что компресс поможет снять отечность.

– Ты выглядишь сегодня просто потрясающе, – обратилась Араминта к старшей дочери. – А ведь ты еще не начала наряжаться. Золотистая отделка на платье великолепно подчеркивает цвет твоих волос.

Софи бросила сочувственный взгляд на Пози, которая никогда не получала от матери таких комплиментов.

– Ты наверняка отхватишь какого-нибудь из двух братьев Бриджертонов, – продолжала Араминта. – Я в этом просто уверена.

Розамунд потупила взор. Она оттачивала этот прием в течение довольно длительного времени, и Софи не могла не признать, что он удался ей как нельзя лучше. Скромницей Розамунд выглядела необыкновенно хорошенькой. Впрочем, она и так была хороша собой. Золотистые волосы и голубые глаза были в этом году последним криком моды, а поскольку покойный граф оставил своей падчерице щедрое приданое, можно было не сомневаться, что она еще до конца сезона найдет себе великолепную партию.

Софи перевела взгляд на Пози – та тоскливо смотрела на мать – и пылко проговорила:

– Ты тоже выглядишь прекрасно, Пози.

Пози так и просияла.

– Ты так считаешь?

– Ну конечно. И у тебя очень оригинальный костюм. Я уверена, на балу, кроме тебя, русалок не будет.

– Откуда ты знаешь, Софи? – насмешливо спросила Розамунд. – Можно подумать, ты бывала на великосветских мероприятиях.

– Я уверена, ты прекрасно проведешь время, – продолжала Софи, никак не реагируя на выпад Розамунд. – Как я тебе завидую! Мне бы очень хотелось тоже попасть на этот бал.

Софи тихонько вздохнула. Воцарившаяся на секунду полная тишина взорвалась громким смехом Араминты и Розамунд. Даже Пози хихикнула.

– Ну и насмешила, – проговорила Араминта, немного отдышавшись. – Представьте себе только, девочки: Софи на балу у Бриджертонов. Ты что, не знаешь? В приличное общество незаконнорожденных не пускают.

– Я и не сказала, что пойду, – попыталась оправдаться Софи. – Я сказала, что мне хотелось бы пойти.

– Можешь даже не мечтать об этом, – подхватила Розамунд. – Зачем мечтать о том, чему не суждено сбыться? Одно расстройство.

Но Софи ее уже не слушала, потому что в этот момент произошло нечто странное. Когда она поворачивала голову, чтобы взглянуть на Розамунд, она заметила стоявшую в дверях миссис Гиббонз, экономку. Она переехала из Пенвуд-Парка в лондонский особняк графа, когда там умерла домоправительница. И когда их глаза встретились, миссис Гиббонз подмигнула девушке.

Софи никогда еще не видела, чтобы экономка подмигивала.

– Софи! Софи! Ты меня слушаешь?

Софи рассеянно повернулась к Араминте.

– Простите, – пробормотала она. – Что вы сказали?

– Я сказала, чтобы ты немедленно принималась за мое платье, – раздраженно проговорила Араминта. – Если мы опоздаем на бал, ты за это ответишь.

– Да, конечно, – поспешно сказала Софи и, воткнув иголку в материю, принялась шить, но все мысли у нее были о миссис Гиббонз.

Интересно, почему она подмигнула?

Три часа спустя Софи, стоя у парадной лестницы Пенвуд-Хауса, смотрела, как Араминта, а вслед за ней Розамунд и Поза, поддерживаемые под локоток лакеем, садятся в карету. Софи помахала Позе, которая ответила ей тем же, и карета, проехав по улице, завернула за угол и скрылась из вида. До Бриджертон-Хауса, где должен состояться бал-маскарад, было не больше шести кварталов, но Араминта отправилась бы в карете, даже если бы они жили в соседнем доме.

Ведь самое главное – подъехать с шиком.

Вздыхнув, Софи повернулась и начала подниматься по ступенькам. Слава богу, что Араминта впопыхах забыла оставить ей список поручений. Свободный вечерок выдавался у Софи нечасто. Нужно будет перечитать какую-нибудь книгу. Или попробовать найти сегодняшний номер газеты леди Уистлдаун. Вроде бы Розамунд брала его к себе в комнату.

Но не успела Софи переступить порог Пенвуд-Хауса, откуда ни возьмись появилась миссис Гиббонз, схватила ее за руку и воскликнула:

– Нельзя терять ни минуты!

– Простите? – пролепетала ошарашенная Софи.

Уж не повредила ли миссис Гиббонз умом?

– Пойдемте со мной, – потянула ее за собой миссис Гиббонз.

Софи безропотно позволила увести себя наверх, в свою крошечную комнатку, расположенную под самой крышей. Миссис Гиббонз вела себя чрезвычайно странно, но она всегда относилась к Софи с необыкновенной добротой, хотя и понимала, что Араминта не одобряет подобного поведения, и Софи решила пока не возражать.

– Вам нужно раздеться, – проговорила экономка, открывая дверь.

– Что?!

– Мы должны спешить.

– Миссис Гиббонз, вы... – начала было Софи, но в этот момент экономка распахнула дверь, и представшая перед ними картина заставила ее позабыть о том, что она собиралась сказать.

Посреди спальни стояла ванна, над которой поднимался пар, а вокруг хлопотали все три горничные. Одна добавляла в ванну воду, вторая возилась с замком какого-то загадочного сундука, третья держала полотенце, повторяя:

– Быстрее! Быстрее!

Софи обвела всех троих изумленным взглядом.

– Что здесь происходит?

Миссис Гиббонз обратила к ней сияющее лицо.

– Ничего особенного. Просто вы, мисс София Мария Бекетт, отправитесь на бал-маскарад!

Час спустя Софи было не узнать. В сундуке оказались туалеты, принадлежавшие покойной матери графа. Они уже лет пятьдесят как вышли из моды, однако это ровным счетом ничего не значило. Ведь на бал-маскарад никто не является одетым по последней моде.

На самом дне сундука лежало изумительной красоты платье из серебристой материи, с плотным лифом, усыпанным жемчужинками, и развевающимися юбками, необычайно популярными в прошлом столетии. Едва коснувшись его, Софи почувствовала себя принцессой. За долгие годы оно слежалось, но одна из горничных вытащила его на улицу проветрить, после чего сбрызнула розовой водой, и затхлый запах исчез.

Софи искупали, надушили, сделали прическу и даже подкрасили помадой губы.

– Только не говорите мисс Розамунд, – шепнула горничная. – Это ее помада.

– Ой, смотрите, что я нашла! – раздался возглас миссис Гиббонз. – Перчатки!

Взглянув, Софи увидела, что экономка держит в руке длинные, по локоть, перчатки.

– Посмотрите, – проговорила она, взяв у миссис Гиббонз одну и тщательно ее осмотрев, – герб Пенвудов и монограмма. Прямо у отворота.

Миссис Гиббонз взглянула на ту, что держала в руке.

– «С.Л.Г.». Сара Луиза Ганнингуорт. Ваша бабушка.

Софи удивленно взглянула на нее. Миссис Гиббонз никогда не упоминала о том, что граф – ее отец. Да и вообще ни один человек в Пенвуд-Парке никогда не говорил о том, что Софи связана с семейством Ганнингуорт родственными узами.

– Она ведь вам самая настоящая бабушка, – заявила миссис Гиббонз. – Слишком долго мы все об этом молчали. Стыд и позор, что к Розамунд и Позе относятся как к дочерям графа, а вы, настоящая его дочь, вынуждены прислуживать им, как простая служанка!

Все три горничные согласно закивали.

– И вот сегодня, пусть хотя бы на одну ночь, вы станете царицей бала. – И, улыбнувшись, миссис Гиббонз медленно повернула Софи лицом к зеркалу.

– Неужели это я? – ахнула Софи.

Миссис Гиббонз кивнула, и глаза ее подозрительно блеснули.

– Вы выглядите просто очаровательно, дорогая моя, – прошептала она.

Софи медленно протянула руку к волосам.

– Не трогайте! – испуганно воскликнула одна из горничных. – Испортите прическу!

– Хорошо, не буду, – пообещала Софи и улыбнулась, стараясь сдержать слезы.

Волосы ее были осыпаны блестящей пудрой, и она казалась самой себе принцессой из сказки. Темно-русые локоны были собраны на затылке, а один длинный локон спускался по шее до плеч. Глаза, обычно мшисто-зеленого цвета, сверкали, как изумруды.

Хотя Софи подозревала, что блестят они скорее от невыплаканных слез.

– Вот вам маска, – поспешно проговорила миссис Гиббонз. На самом деле это оказалась полумаска, из тех, что завязываются на затылке, чтобы не нужно было держать ее рукой. – А теперь нам нужны туфли.

Софи уныло взглянула на свои стоявшие в углу туфли, старые и безобразные.

– Боюсь, у меня нет ничего, что бы подошло к такой красоте.

Горничная, которая накрашила Софи губы, принесла пару белых туфель.

– Это туфли Розамунд.

Софи быстро сунула ногу в правую туфлю и так же быстро вытащила ее.

– Велики, – сказала она, обращаясь к миссис Гиббонз. – Я не смогу в них ходить.

Экономка повернулась к служанке.

– Принеси туфли Позе.

– Они еще больше, – сказала Софи. – Мне ли не знать. Я ведь их постоянно чищу. Миссис Гиббонз тяжело вздохнула:

– Что ж, ничего не поделаешь. Придется совершить налет на коллекцию туфель Араминты.

Софи даже в дрожь бросило. От одной мысли, что придется примерять туфли Араминты, мурашки побежали по спине. Но другого выхода не было. Не идти же босиком. Хотя это и бал-маскарад, но босой ее туда вряд ли пустят.

Несколько минут спустя горничная вернулась с парой изящных белых шелковых туфель, прошитых серебряной ниткой и украшенных розочками из фальшивых бриллиантов.

Софи нехотя сунула ногу в одну туфельку, потом в другую. Они были в самый раз.

– А как к платью-то подходят, – заметила одна из горничных, указывая на серебряную строчку, – словно для него и сшиты.

– Ну, хватит восторгаться туфлями, – прервала ее миссис Гиббонз и обратилась к Софи: – Теперь внимательно выслушайте и запомните то, что я вам скажу. Кучер уже отвез графиню и девочек в Бриджертон-Хаус и вернулся. Он отвезет вас на бал. Но он должен дожидаться у входа в Бриджертон-Хаус на тот случай, если графине захочется уехать. А это означает, что вы должны уйти ровно в полночь и ни секундой позже. Понятно?

Софи кивнула и взглянула на настенные часы. Был десятый час. Значит, она сможет побыть на балу больше двух часов.

– Спасибо вам, – прошептала она. – Огромное спасибо.

Промокнув глаза носовым платочком, миссис Гиббонз проговорила:

– Не благодарите меня, моя милая. Самой большой наградой для меня будет, если вы хорошо проведете время на балу.

Софи снова взглянула на часы. Два часа.

Два часа, в которые она должна вместить всю жизнь.

Глава 2

«Бриджертоны – поистине уникальная семья. Вряд ли найдется в Лондоне человек, который не знал бы, что все они удивительно похожи друг на друга или что их имена располагаются в алфавитном порядке: Энтони, Бенедикт, Колин, Дафна, Элоиза, Франческа, Грегори и Гиацинта»¹.

Интересно, как назвали бы покойный виконт и далеко не покойная, а вполне еще бодрая вдовствующая виконтесса своего следующего отпрыска под номером девять, если бы тот у них появился? Имоджин? Иниго?

Может, это и хорошо, что они остановились на восьми».

*«Светская хроника леди Уистлдаун»,
2 июня 1815 года*

Бенедикт Бриджертон был вторым из восьми детей, но временами чувствовал себя так, будто он сотый.

Бал, который задумала устроить его неугомонная матушка, назывался балом-маскарадом, и Бенедикт послушно надел черную полумаску, прекрасно понимая, что это бесполезно. Все и так догадаются, кто он такой. Так оно и случилось.

– Это Бриджертон! – воскликнул один из гостей, радостно хлопая в ладоши, как только он вошел в зал.

– Ну конечно, вы Бриджертон! – обрадовался другой.

– Бриджертон! Я узнаю Бриджертона где угодно! – подхватил третий.

Бенедикт был Бриджертоном, и хотя он гордился тем, что является членом этой семьи, иногда ему хотелось побыть немного поменьше Бриджертоном, а побольше самим собой.

Вот и еще одна проплывавшая мимо дама в костюме пастушки прощепетала:

– Вы Бриджертон! Эти каштановые волосы я узнаю где угодно. Но который из Бриджертонов? Нет, не говорите. Я сама догадаюсь. Вы не виконт, потому что я только что его видела. Должно быть, вы Бриджертон Номер два или Номер три.

Бенедикт лишь молча холодно смотрел на нее.

– Так который из двух? Номер два или Номер три? – продолжала допытываться дама.

– Два! – выпалил Бенедикт.

Дама радостно всплеснула руками.

– Я так и подумала! Ой, нужно поскорее отыскать Порцию. Я ей говорила, что вы Бриджертон Номер два...

«Меня зовут Бенедикт!» Он едва сдержался, чтобы не рявкнуть.

– ...но она сказала, нет, это не Номер два, а...

Внезапно Бенедикт почувствовал, что ему лучше отойти от этой трещотки подальше, иначе он придушит ее голыми руками, а при таком обилии свидетелей скрыться ему наверняка не удастся.

– Прошу меня простить, – спокойно проговорил он, хотя спокойствие это далось ему с величайшим трудом. – Я вынужден вас покинуть. Мне нужно кое с кем поговорить.

Пастушка, естественно, поняла, что он лжет, однако Бенедикту было на это наплевать. Коротко кивнув ей, он кратчайшим путем направился к боковой двери в бальный зал, намереваясь поскорее скрыться от шумной толпы в кабинете брата, насладиться блаженным покоем и бокалом хорошего бренди.

¹ Имеется в виду английский алфавит: Antony, Benedict, Colin, Daphne, Eloize, Francezca, Gregory, Hyacinth. – Здесь и далее примеч. пер.

– Бенедикт!

Вот черт! С бренди придется повременить. Бенедикт обернулся: к нему быстрым шагом направлялась мать. На ней был костюм эпохи королевы Елизаветы. Насколько он помнил, мать собиралась изображать героиню из какой-то шекспировской пьесы, а вот какую именно, он понятия не имел.

– Что тебе угодно, мама? – спросил он. – Только не проси меня потанцевать с Гермией Смайт-Смит. В прошлый раз она мне все ноги оттоптала.

– Ни о чем подобном я тебя просить не собиралась, – ответила Вайолет. – Я хотела попросить тебя потанцевать с Пруденс Фезерингтон.

– Пощади, матушка! – простонал Бенедикт. – Она еще хуже.

– Я прошу тебя не жениться на ней, мой мальчик, а просто потанцевать.

Бенедикт едва сдержался, чтобы не выругаться. Пруденс Фезерингтон – милая девушка, вот только не обремененная интеллектом. Кроме того, у нее такой пронзительный смех, что – Бенедикт видел это собственными глазами – взрослые мужчины бежали от нее со всех ног, зажав уши.

– Знаешь что, – предложил он. – Я обещаю тебе потанцевать с Пенелопой Фезерингтон, если ты сможешь сделать так, чтобы Пруденс держалась от меня подальше.

– Договорились, – удовлетворенно кивнула мать, и у Бенедикта сложилось нехорошее впечатление, что она именно этого и добивалась.

– Вот она, у стола с прохладительными напитками, в костюме гнома, бедняжка. Цвет ей идет, но фасон – просто ужас! И куда только смотрела ее мать? Более неудачный костюм трудно себе представить.

– Похоже, ты еще не видела русалку, – пробормотал Бенедикт.

Мать шутливо стукнула его по руке.

– Не смей издеваться над гостями!

– Они сами на это напрашиваются.

Предостерегающе взглянув на него, мать сказала:

– Пойду поищу твою сестру.

– Которую?

– Ту, которая не замужем, – весело проговорила Вайолет. – Пусть виконт Гелф и увлечется этой девицей-шотландкой, но они еще не помолвлены.

Бенедикт мысленно пожелал Гелфу удачи. Бедолаге она понадобится.

– И спасибо за то, что согласился потанцевать с Пенелопой, – многозначительно проговорила Вайолет.

Бенедикт насмешливо улыбнулся. Они оба знали, что слова эти служили отнюдь не благодарностью, а напоминанием.

Скрестив руки на груди, Бенедикт проводил мать взглядом и, тяжело вздохнув, стал пробираться к столу, возле которого стояла Пенелопа. Он любил мать до умопомрачения, однако его раздражала ее манера вечно совать нос в светскую жизнь своих детей. Больше всего на свете Вайолет беспокоило то, что Бенедикт до сих пор не женился, и самое большое огорчение вызывали хмурые лица девушек, которых никто не приглашал танцевать. В результате огромную часть времени на балах Бенедикт проводил, танцуя с девицами, которых мать усердно ему сватала, но еще большую – с девицами, не пользовавшимися успехом.

Из двух зол Бенедикт выбирал меньшее, а именно второе. Девицы, которых сватала мать, как правило, оказывались недалекими и скучными.

Особенной любовью у матери пользовалась Пенелопа Фезерингтон, у которой нынешний сезон был уже по счету... О господи, неужели третьим? Ну да, третьим. И никаких перспектив выйти замуж. Ну да ладно, он выполнит свое обещание. Пенелопа – милая девушка, достаточно

умная и своеобразная. Когда-нибудь она найдет себе мужа. Это, конечно, будет не он и скорее всего не один из его знакомых, но кто-то же на ней наверняка женится.

Вздохнув, Бенедикт начал пробираться к столу с прохладительными напитками, явственно ощущая во рту вожделенный вкус бренди. Что ж, если не удалось выпить любимого напитка, придется пока довольствоваться лимонадом.

– Мисс Фезерингтон! – крикнул он и, когда все три мисс Фезерингтон обернулись, вздрогнул от неожиданности. – Гм... я имел в виду Пенелопу.

Пенелопа так и просияла, и Бенедикт вынужден был напомнить себе, что неплохо к ней относится. На нее и в самом деле можно было бы обратить внимание, если бы она держалась подальше от своих сестер-неудачниц, которые у всякого нормального мужчины вызывали лишь одно желание: бежать от них как черт от ладана.

Он уже почти дошел до трех сестер, как вдруг у него за спиной пронесся шепот. Бенедикт прекрасно понимал, что должен идти дальше и выполнить свое обещание потанцевать с Пенелопой, однако рассудил, что не будет ничего плохого в том, что он удовлетворит свое любопытство и обернется. И он обернулся.

И увидел такую потрясающую женщину, какой ему еще никогда не доводилось видеть.

Он даже не мог сказать, красива она или нет, поскольку лицо ее было надежно скрыто полумаской, а волосы оказались самого обыкновенного темно-русого цвета.

Но во всем ее облике было нечто завораживающее. В том, как она стояла, улыбаясь и оглядывая бальный зал поблескивающими из-под полумаски глазами, словно более восхитительного зрелища, чем скопление жалких членов великосветского общества, разодетых в дурацкие карнавальные костюмы, ни разу в жизни не видела.

Казалось, красота ее исходит изнутри.

Создавалось такое ощущение, будто незнакомка вся светится, и Бенедикта внезапно осенило: она по-настоящему счастлива. Счастлива находиться на этом балу-маскараде, счастлива быть одной из присутствующих.

Причем счастлива так, как Бенедикт никогда не был, хотя жизнь его можно было назвать вполне счастливой. У него трое братьев и четыре сестры, любящая мать, многочисленные друзья.

И Бенедикт почувствовал, что, если сейчас же не познакомится с красавицей, не откроет секрета этого безбрежного счастья, он не сможет жить дальше.

Позабыв про Пенелопу, он стал протискиваться сквозь толпу и вскоре оказался в нескольких шагах от нее. Однако трое джентльменов успели его опередить и уже расточали незнакомке слащавые комплименты. Бенедикт с интересом наблюдал, как она отреагирует. Незнакомка не заставила себя долго ждать, и ее реакция поразила его.

Ни капли напускной скромности, притворной застенчивости или дурацкого хихиканья, как повела бы себя любая из его знакомых женщин.

Она просто улыбнулась. Вернее, просияла. Бенедикт прекрасно знал, что комплименты призваны заставить человека, которому они предназначаются, почувствовать себя счастливым, но еще ни разу в жизни не видел, чтобы женщина реагировала на них с такой неподдельной, какой-то детской радостью.

И он шагнул вперед. Он хотел, чтобы радость эта была обращена на него одного.

– Прошу меня простить, джентльмены, но леди обещала этот танец мне, – солгал он.

В прорезях маски было заметно, как ее глаза сначала расширились, потом насмешливо сверкнули. Бенедикт протянул руку, моля Бога, чтобы незнакомка не обвинила его в обмане.

Однако она лишь улыбнулась, и от этой широкой, радостной улыбки сердце Бенедикта затрепетало. Незнакомка вложила свою руку в его, и только тогда он понял, что все это время сдерживал дыхание.

– Вам разрешено танцевать вальс? – шепотом спросил он, когда они подошли к танцевальной площадке.

Девушка покачала головой:

– Я не танцую.

– Вы шутите.

– Боюсь, что нет. Дело в том... – она наклонилась к Бенедикту и с сияющей улыбкой призналась, – что я не умею танцевать.

Бенедикт изумленно воззрился на нее. Она двигалась с врожденной грацией, и потом, как может девица ее возраста и воспитания не уметь танцевать?

– Остается только одно, – прошептал он. – Научить вас.

Глаза незнакомки расширились, губы приоткрылись, и с них сорвался изумленный смех.

– Что тут смешного? – спросил Бенедикт, и сам с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

Она улыбнулась ему так, словно они были знакомы уже сто лет.

– Даже я знаю, что на балу не учат танцам.

– Что вы подразумеваете под этим «даже я знаю»? – прошептал Бенедикт.

Незнакомка промолчала.

– В таком случае придется мне самому заняться вашим обучением, даже если придется сделать это силой.

– Силой? – переспросила незнакомка.

– Было бы не по-джентльменски не исправить подобного плачевного положения дел.

– Плачевного, говорите?

Бенедикт пожал плечами:

– Прекрасная женщина, не умеющая танцевать, – это преступление против природы.

– Если я разрешу вам научить меня танцевать...

– Когда вы разрешите научить вас танцевать, – перебил ее Бенедикт.

– Если я разрешу вам научить меня танцевать, где вы собираетесь проводить урок?

Подняв голову, Бенедикт обвел взглядом бальный зал, что при его внушительном росте – а он был самым высоким среди присутствующих – сделать это оказалось ему совсем не трудно.

– Придется удалиться на террасу, – сказал он наконец.

– На террасу? – переспросила незнакомка. – А там не слишком многолюдно? Вечер выдался теплый.

– На хозяйской террасе никого не будет, – заявил он, наклоняясь к ней.

– А откуда в таком случае о ее существовании известно вам? – удивилась незнакомка.

Бенедикт изумленно уставился на нее. Неужели она и в самом деле не знает, кто он такой? Не то чтобы он был такого высокого мнения о своей персоне, чтобы считать, что все в Лондоне обязаны его знать. Но он был Бриджертоном, а если человек знаком с одним Бриджертоном, это означало, что он непременно узнает другого. А поскольку не было в Лондоне человека, который ни разу не столкнулся либо с одним, либо с другим Бриджертоном, Бенедикта узнавали повсюду, хотя бы как «Номер два».

– Вы не ответили на мой вопрос, – прервала его размышления таинственная незнакомка.

– Откуда я узнал о хозяйской террасе? – Бенедикт поднес ее руку, затянутую в перчатку из изумительного шелка, к губам и прильнул к ней поцелуем, после чего ответил: – Скажем, у меня есть свои методы.

Однако незнакомка все никак не могла решиться, и Бенедикт, заметив это, тихонько потянул ее к себе и, когда она оказалась совсем рядом, проговорил:

– Прошу вас, потанцуйте со мной.

Она сделала шаг вперед, и Бенедикт понял: с этого момента жизнь его изменилась навсегда.

Войдя в бальный зал, Софи не сразу его увидела, однако почувствовала его присутствие, и когда он появился перед ней, словно Прекрасный принц из детской сказки, она поняла: именно из-за этого мужчины она тайком приехала на бал.

Он был высок и необыкновенно красив – если судить по части лица, не скрытой маской. Его темно-каштановые волосы в мерцающем свете свечей казались слегка рыжеватыми. На губах играла ироническая улыбка.

По-видимому, присутствующие его знали. Софи заметила, что, когда он шел, перед ним расступались, давая ему дорогу. И когда он так откровенно заявил, что она обещала ему танец, что, естественно, было неправдой, остальные мужчины, не сказав ему ни слова, молча отошли.

Он был красив, силен и на сегодняшнюю ночь принадлежал ей.

Когда часы пробьют полночь, она вернется к своей прежней жизни, наполненной изнурительной домашней работой и выполнением всех прихотей Араминты и ее дочерей. Так стоит ли казнить себя за то, что хочется хоть раз в жизни волшебной ночи, полной счастья и любви?

Софи чувствовала себя принцессой – принцессой, способной на безрассудства, – и когда он пригласил ее танцевать, вложила свою руку в его. И хотя она прекрасно понимала, что вся эта ночь – сплошная ложь, что она незаконнорожденная дочь графа – плод его преступной связи с горничной, – что на ней чужое платье, а туфли украдены, все это куда-то улетучилось, когда рука его коснулась ее руки.

По крайней мере на несколько часов она может притвориться, что этот молодой человек – ее и что с этого самого мгновения жизнь ее навеки изменится.

Это была всего лишь мечта, но Софи так давно не позволяла себе мечтать...

Презрев всякую осторожность, она позволила ему увести себя из бального зала. Он шел быстро, хотя ему и приходилось пробиваться сквозь толпу, и она, смеясь, шла за ним.

– Почему вы постоянно смеетесь надо мной? – спросил он, когда они вышли из зала в холл.

Она снова рассмеялась – просто не могла не рассмеяться – и беспомощно пожала плечами:

– Я счастлива. Я так счастлива здесь!

– Но почему? Для таких, как вы, присутствовать на балу – самое обыденное дело.

Софи усмехнулась. Если он решил, что она представительница великосветского общества, которая только тем и занимается, что посещает всевозможные балы и вечера, значит, она в совершенстве играет свою роль.

Коснувшись пальцем уголка ее рта, он прошептал:

– Вы по-прежнему улыбаетесь.

– Мне нравится улыбаться.

Обняв ее рукой за талию, он притянул ее к себе. Расстояние между ними по-прежнему оставалось значительным, но от ее близости у него перехватило дыхание.

– А мне нравится смотреть, как вы улыбаетесь, – прошептал он, и что-то в его голосе заставило Софи поверить в то, что он говорит совершенно искренне, что она для него не просто женщина, которую ему вдруг пришло в голову завоевать, а нечто большее.

Однако ответить она не успела. Из холла вдруг донесся недовольный мужской голос:

– Так вот ты где!

Сердце Софи замерло в груди. Все! Конец! Сейчас ее выкинут на улицу, а завтра наверняка отправят в тюрьму за то, что она украла у Араминты туфли и...

В этот момент мужчина подошел к ее таинственному незнакомцу и тем же недовольным голосом продолжал:

– Мама тебя обыскала. Ты улизнул от Пенелопы, и мне пришлось за тебя отдуваться.

– Мне ужасно жаль, – проговорил джентльмен.

Похоже, его извинение не произвело на разгневанного мужчину никакого впечатления, поскольку он нахмурился еще сильнее и сказал:

– Если ты задумал сбежать с бала, оставив меня на милость этих чертовых дебютанток, я тебе этого никогда не прощу. До самой смерти буду тебе мстить, так и знай!

– Я буду только рад, – усмехнулся ее джентльмен.

– Ладно, можешь меня поблагодарить. Перед Пенелопой я загладил твою вину, – проворчал второй джентльмен. – Тебе повезло, что я оказался рядом. Когда ты отвернулся от бедняжки и пошел прочь, у нее был такой вид, будто от отчаяния у нее разорвется сердце.

К удивлению Софи, ее джентльмен слегка покраснел.

– Существуют вещи, которых, боюсь, не избежать.

Софи перевела взгляд с одного мужчины на другого. Хотя на обоих были полумаски, было очевидно, что они братья. И внезапно Софи осенило: да ведь это же братья Бриджертон! Это наверняка их дом и...

Боже правый, а она-то вела себя как последняя идиотка, спросив, как они попадут на хозяйскую террасу!

Но который из братьев тот, что пригласил ее туда? Бенедикт! Это должен быть Бенедикт. Софи мысленно поблагодарила леди Уистлдаун за то, что та целую колонку посвятила описанию братьев Бриджертон. Бенедикт, насколько она помнила, самый высокий из них.

Мужчина, заставивший ее сердце так затрепетать, возвышался на добрый десяток дюймов над своим братом, пристально – Софи внезапно это ощутила – ее разглядывавшим.

– Теперь я понимаю, почему ты сбежал из зала, – заметил Колин («А это наверняка Колин, – лихорадочно подумала Софи, – поскольку Грегори всего четырнадцать, а Энтони женат, следовательно, ему было бы наплевать на то, что Бенедикт сбежал из зала, оставив его на растерзание дебютанток») и, хитро взглянув на Бенедикта, попросил: – Может, познакомишь меня?

Бенедикт вскинул брови.

– Можешь попытаться сделать это сам, однако сильно сомневаюсь, что у тебя получится.

Я до сих пор не знаю ее имени.

– Вы не спрашивали, – не смогла удержаться от замечания Софи.

– А вы бы мне сказали, если бы я спросил?

– Какое-нибудь имя я бы вам назвала.

– Но не ваше настоящее?

Софи покачала головой:

– Сегодняшняя ночь вообще не настоящая.

– Обожаю такие ночи, – весело заметил Колин.

– Послушай, не пора ли тебе отправиться обратно в зал? – обратился к нему Бенедикт.

Колин покачал головой.

– Мама наверняка предпочла бы, чтобы я там находился, однако она этого от меня не требовала.

– А я требую, – проговорил Бенедикт.

– Ну ладно, – вздохнул Колин. – Уже уйду.

– Вот и отлично, – бросил Бенедикт.

– Один-единешенек, лицом к лицу с этими кровожадными волчицами...

– Волчицами? – не поняла Софи.

– Это я о молодых дамах, желающих выйти замуж, – пояснил Колин. – В основном это кровожадные волчицы. Вас, естественно, я не имею в виду.

Софи сочла за лучшее не упоминать о том, что она вовсе не является кандидаткой в жены.

– Для моей матушки не было бы большего счастья... – начал Колин.

Бенедикт застонал.

– ...чем женить моего дорогого старшего брата. – Он помолчал и задумчиво договорил: – Разве что женить меня.

– Вот именно. Чтобы появился повод выпроводить тебя из дома, – сухо заметил Бенедикт. На сей раз Софи действительно хихикнула.

– Но ведь он намного старше меня, – продолжал Колин, – вот пускай и отправляется на виселицу... то есть я хотел сказать – к алтарю.

– На что это ты намекаешь? – нахмурился Бенедикт.

– Ни на что, – отозвался Колин. – Я вообще никогда ни на что не намекаю.

Бенедикт повернулся к Софи.

– А вот это верно.

– Ну так что? – обратился Колин к Софи, картинно взмахнув рукой. – Может быть, пожалеете мою бедную, многострадальную матушку и отведете моего дорогого братца к алтарю?

– Он меня об этом не просил, – шутливо ответила Софи.

– Ты что, выпил лишнего? – сердито бросил Бенедикт.

– Ну что ты, я совсем не пил, – весело проговорил Колин, – однако всерьез подумываю над тем, чтобы исправить это упущение. Выпивка может оказаться единственным средством, позволяющим сделать этот вечер сносным.

– Если эта выпивка заставит тебя убраться с моих глаз долой, она тоже окажется единственным средством, которое поможет сделать этот бал сносным, – заявил Бенедикт.

Колин ухмыльнулся, весело отсалютовал и был таков.

– Приятно видеть, когда братья так сильно любят друг друга, – прошептала Софи.

Бенедикт, рассерженно наблюдавший за тем, как брат исчезает в дверях, снова переключил свое внимание на нее.

– И это вы называете любовью?

Софи вспомнились Розамунд и Поза, вечно подкалывающие друг друга, причем отнюдь не шутливо.

– Да, – решительно ответила она. – Совершенно ясно, что вы жизнь за него отдадите. А он – за вас.

– Думаю, что вы правы. – Бенедикт сокрушенно вздохнул, но тотчас же, улыбнувшись, заметил: – Хотя мне страшно не хочется в этом признаваться. – Прислонившись спиной к стене, он скрестил руки на груди, изображая человека, умудренного опытом. – А скажите-ка мне, у вас есть братья или сестры?

Помешкав, Софи решительно ответила:

– Нет.

Одна бровь у Бенедикта изумленно поползла вверх. Склонив голову набок, он заметил:

– Интересно, почему вы так долго думали, прежде чем ответить на мой вопрос? Мне кажется, ничего сложного в нем нет.

Софи отвернулась, пряча глаза. Ей всегда хотелось иметь семью. Откровенно говоря, это было ее самым сокровенным желанием. Отец никогда не признавал ее своей дочерью, даже когда они оставались с глазу на глаз, а мать умерла при родах, давая ей жизнь. Араминта шараялась от нее, как от прокаженной, а Розамунд с Поза никогда не были ей сестрами. Поза периодически выказывала ей дружеские чувства, но даже она постоянно обращалась к Софи с просьбами: то подшить платье, то сделать прическу, то почистить туфли.

И хотя Поза в отличие от матери и сестры не приказывала, а просила, Софи понимала, что отказа она не потерпит.

– Я единственный ребенок, – наконец сказала Софи.

– И это все, что вы можете сказать? – пробормотал Бенедикт.

– Совершенно верно, – согласилась Софи.

– Очень хорошо. – Он не спеша улыбнулся. – И какие вопросы мне разрешено вам задать?

– Никаких.

– Совсем никаких?

– Могу лишь сказать вам, что мой любимый цвет – зеленый, и не более того.

– Но к чему такая таинственность?

– Если я отвечу на этот вопрос, – проговорила Софи с загадочной улыбкой, вполне, по ее мнению, соответствующей образу таинственной незнакомки, – она тотчас же исчезнет.

Бенедикт слегка подался вперед.

– Вы всегда сможете снова ее создать.

Софи невольно отступила на шаг. Взгляд Бенедикта становился жарким, а она достаточно наслушалась разговоров слуг, чтобы понимать, что это означает. И хотя все происходящее заставляло ее душу трепетать, она не была настолько смелой, насколько пыталась казаться.

– Во всей сегодняшней ночи таинственности больше чем достаточно, – заметила она.

– Только не во мне, – возразил Бенедикт. – Я перед вами весь как на ладони. Можете спрашивать меня о чем угодно.

– Неужели? – удивилась Софи. – А мне казалось, что у каждого человека есть свои секреты.

– У меня их нет. Моя жизнь безнадежно банальна.

– Быть этого не может!

– Но это правда, – сказал Бенедикт, пожав плечами. – Я ни разу не соблазнил ни невинную девицу, ни даже замужнюю даму, у меня нет карточных долгов, и мои родители всегда были верны друг другу.

То есть он в отличие от нее рожден в браке, подумала Софи, и при этой мысли у нее больно сжалось сердце. Ведь узнай он, что она незаконнорожденная, он никогда бы к ней не подошел.

– Вы так меня ни о чем и не спросили, – напомнил ей Бенедикт.

Софи удивленно захлопала глазами. Она не думала, что он говорит серьезно.

– Хорошо, – пробормотала она, сбитая с толку. – Какой ваш любимый цвет?

– Вы собираетесь тратить ваш вопрос, чтобы узнать такой пустяк? – ухмыльнулся Бенедикт.

– А мне разрешено задать только один вопрос?

– Это более чем справедливо, учитывая, что вы не разрешили задать вам ни одного. – Бенедикт наклонился к ней, и его темные глаза блеснули. – Ответ: синий.

– Почему?

– Что «почему»? – переспросил он.

– Почему синий? Потому что океан синий? Или потому что небо синее? Или потому что просто вам нравится синий цвет?

Бенедикт изумленно взглянул на нее. Какой странный вопрос – почему его любимый цвет синий. Всех устраивал его односложный ответ, но эта женщина, имени которой он до сих пор не знает, решила копнуть глубже.

– Вы художница? – спросил он.

Она покачала головой:

– Нет. Просто любопытно было узнать.

– А почему ваш любимый цвет зеленый?

Незнакомка вздохнула, и глаза ее стали мечтательными.

– Наверное, потому, что трава и листья зеленые. Но в основном из-за травы. Так приятно пройти по скошенной траве босиком. Она так приятно пахнет.

– А какое отношение запах имеет к цвету?

– Наверное, никакого. А может быть, самое непосредственное. Видите ли, раньше я жила в деревне...

Софи осеклась. Она не собиралась говорить ему даже этого, однако рассудила, что не будет большой беды, если он узнает такую малость.

– И там вы были счастливее? – тихо спросил Бенедикт.

Софи кивнула и внезапно ощутила легкое беспокойство. Должно быть, леди Уистлдаун никогда не вела с Бенедиктом Бриджертоном серьезных разговоров, поскольку она никогда не писала, что он самый проницательный человек в Лондоне. Когда он смотрел Софи в глаза, у нее было такое чувство, словно он видит ее насквозь.

– В таком случае, должно быть, вы любите гулять по парку, – заметил он.

– Да, – солгала Софи.

У нее никогда не было времени сходить в парк. Араминта не предоставляла ей выходного дня, как другим слугам.

– В таком случае давайте погуляем вместе, – предложил Бенедикт.

Софи уклонилась от ответа.

– Вы так мне и не сказали, почему синий – ваш любимый цвет, – напомнила она ему.

Он слегка склонил голову набок и прищурился, и Софи поняла: он заметил, что она уклонилась от ответа, однако не стал допытываться, почему она это сделала.

– Не знаю, – лишь сказал он. – Может быть, так же, как и вам, этот цвет мне что-то напоминает. В Обри-Холле, где я вырос – это в Кенте, – есть озеро, но вода в нем всегда казалась мне скорее серой, чем синей.

– Может быть, этот цвет напоминает вам небо? – подсказала Софи.

– Оно тоже чаще бывало серым, чем синим, – улыбнулся Бенедикт. – Вот уж по чему я скучал – так это по синему небу и солнцу.

– Англия на то Англия и есть, чтобы в ней постоянно шел дождь, – улыбнулась Софи в ответ.

– Я был как-то в Италии, – проговорил Бенедикт. – Там постоянно светило солнце.

– Должно быть, это просто восхитительно.

– Да. И в то же время я очень скучал по дождю.

– Быть этого не может! – рассмеялась Софи. – А у меня такое чувство, будто я полжизни провела, глядя в окно и ворча, что идет дождь.

– А если бы он исчез, вы бы стали по нему скучать.

Софи задумалась. Интересно, есть ли в ее жизни такое, по чему она стала бы скучать, если бы это исчезло? По Араминте она ни за что не стала бы скучать, это точно. Равно как и по Розамунд. Может быть, она стала бы скучать по Позе. И уж наверняка по солнышку, заглядывавшему по утрам в окно ее комнатки под самой крышей, по смеху и шуткам слуг. Иногда они и ее привлекали ко всеобщему веселью, хотя прекрасно знали, что она незаконнорожденная дочь покойного графа.

Но ей не придется по всему этому скучать, поскольку ничего этого она не лишится. Ведь она никуда не собирается уезжать. После сегодняшнего бала-маскарада, изумительного, потрясающего, волшебного, она вернется к своей обычной жизни.

Если бы она была более сильной и храброй, она бы уже давно уехала из Пенвуд-Хауса. Но что бы это изменило? Пусть ей не нравится жить в доме Араминты, но куда ей ехать, где найти себе работу и пристанище? Она могла бы работать гувернанткой, знаний для такой работы у нее достаточно, но без рекомендаций подобной работы ей не найти, а Араминта наверняка не даст ей никаких рекомендаций.

– Что-то вы замолчали, – раздался тихий голос Бенедикта.

– Просто я задумалась.

– О чем?

– О том, буду ли я по чему-нибудь или по кому-нибудь скучать, если моя жизнь вдруг круто изменится.

Взгляд его стал напряженным.

– А вы ожидаете, что она круто изменится?

Софи покачала головой и ровным голосом, прилагая все усилия, чтобы Бенедикт не уловил в нем грусти, ответила:

– Нет.

– А вы хотели бы, чтобы она изменилась? – тихо, почти шепотом спросил Бенедикт.

– Да, – со вздохом ответила Софи и, прежде чем смогла удержаться, воскликнула: – О да!

Взяв ее за руки, Бенедикт поднес их к губам и запечатлел сначала на одной, потом на другой нежный поцелуй.

– Тогда давайте начнем прямо сейчас, – предложил он, – и завтра вы будете совсем другой.

– Это сегодня я другая, – прошептала Софи. – А завтра я исчезну.

Притянув ее к себе, Бенедикт ласково поцеловал ее в щеку и сказал:

– Значит, нам придется вместить в эту ночь всю оставшуюся жизнь.

Глава 3

Затаив дыхание, автор этих строк ждет того момента, когда можно будет увидеть, какие костюмы представители великосветского общества выбрали для бала-маскарада у Бриджертонов. Ходят слухи, что Элоиза Бриджертон собирается надеть костюм Жанны д'Арк, а Пенелопа Фезерингтон, для которой нынешний сезон уже третий и которая недавно вернулась из Ирландии, куда ездила навестить своих кузенов, будет в костюме гнома. Мисс Поззи Рейлинг, падчерица покойного графа Пенвуда, собирается надеть костюм русалки – автор этих строк ждет не дожидается, чтобы на него взглянуть, – но ее старшая сестра, мисс Розамунд Рейлинг, хранит упорное молчание относительно выбранного ею костюма.

Что же касается мужчин, то, если судить по прошлым балам-маскарадам, полные наденут костюм Генриха VIII, те, что постройнее – Александра Македонского либо черта, а те, которым все равно, – завидные женихи братья Бриджертон наверняка окажутся в их числе, – облачатся в обыкновенные вечерние черные костюмы, разве что наденут полумаски, отдав тем самым дань специфике предстоящего бала.

*«Светская хроника леди Уистлдаун»,
5 июня 1815 года*

– Потанцуйте со мной! – порывисто проговорила Софи.

Бенедикт лукаво улыбнулся и, взяв ее руку в свою, прошептал:

– Вы же говорили, что не умеете.

– А вы говорили, что научите меня.

Несколько мгновений он пристально смотрел на нее, после чего, потянув ее за руку, проговорил:

– Пойдемте.

Они проскользнули через прихожую, поднялись по лестнице, завернули за угол и оказались перед французскими окнами. Бенедикт повернул ручки из кованого железа, окна распахнулись, и они оказались в маленькой уединенной террасе, украшенной растениями в горшках. Здесь стояли два шезлонга.

– Где мы? – спросила Софи, оглядываясь по сторонам.

– Прямо над бальным залом, – ответил Бенедикт, закрывая створки окон. – Слышите музыку?

Софи в основном слышала приглушенное жужжание голосов – гости вели нескончаемые разговоры, – однако, прислушавшись, уловила звуки музыки.

– Гендель, – радостно улыбнулась она. – У моей гувернантки была музыкальная шкатулка с точно такой же мелодией.

– Вы очень любили свою гувернантку, – тихо заметил Бенедикт.

При этих словах Софи, слушавшая музыку с полужакрытыми глазами, изумленно открыла их.

– А вы откуда знаете?

– Оттуда же, откуда знаю, что в деревне вы были счастливее. – Протянув руку, Бенедикт коснулся пальцем щеки Софи. Потом палец его скользнул ниже, прошелся по подбородку. – У вас это на лице написано.

Софи застыла как вкопанная, но, придя в себя, поспешно отстранилась и проговорила:

– Это верно. Я больше времени проводила с ней, чем с другими домочадцами.

– Похоже, вы чувствовали себя очень одинокой, – тихо проговорил Бенедикт.

– Иногда да. – Подойдя к краю балкона, Софи облокотилась о перила и уставилась в иссиня-черное небо. – А иногда нет.

Внезапно она обернулась с сияющей улыбкой, и Бенедикт понял: больше она ничего не собирается рассказывать ему из своего детства.

– А вот вам, должно быть, чувство одиночества неведомо, – заметила она. – Ведь у вас столько братьев и сестер.

– Значит, вы знаете, кто я, – заключил он.

Софи кивнула:

– Сейчас знаю, а сначала не знала.

Подойдя к перилам, Бенедикт прислонился к ним бедром и, скрестив руки на груди, спросил:

– И что же меня выдало?

– Вас выдал ваш брат. Вы так похожи.

– Даже в масках?

– Даже в масках, – снисходительно улыбнулась Софи. – Леди Уистлдаун часто пишет о вас и никогда не забывает упомянуть, насколько вы похожи.

– И вам известно, который из братьев я?

– Бенедикт, – ответила она. – Если, конечно, леди Уистлдаун ничего не напутала, написав, что вы самый высокий из братьев.

– А вы, оказывается, великолепный сыщик.

Ее лицо приобрело несколько смущенное выражение.

– Просто я люблю читать колонку великосветских сплетен. В этом я ничем не отличаюсь от остальных присутствующих здесь гостей.

Несколько секунд Бенедикт молча смотрел на нее. Интересно, понимает ли она, что дала еще один ключик к разгадке своей личности? Ведь если она узнала его только по описанию леди Уистлдаун, значит, она давно не бывала в обществе, а может быть, никогда не бывала. Так или иначе, она не относится к многочисленному разряду юных дам, с которыми его знакомила матушка.

– А что еще вы узнали обо мне от леди Уистлдаун? – спросил он с улыбкой.

– Вы напрашиваетесь на комплименты? – спросила Софи, слегка ему улыбнувшись. – Вам ведь наверняка известно, что леди Уистлдаун дает семье Бриджертонов исключительно положительные отзывы.

– Что наводит на мысль о том, не является ли она сама членом этой семьи, – заметил Бенедикт. – Некоторые так и считают.

– Это и в самом деле так?

– Если это и так, мне об этом ничего не известно, – пожал плечами Бенедикт. – Но вы не ответили на мой вопрос.

– На какой?

– Что вам еще известно обо мне от леди Уистлдаун?

– Вам действительно это интересно? – удивилась Софи.

– Если я ничего не могу узнать о вас, по крайней мере я могу узнать, что знаете обо мне вы.

Она улыбнулась и рассеянно коснулась указательным пальцем губы.

– Так-так... А, вспомнила. В прошлом месяце вы выиграли на каких-то дурацких скачках, которые проводились в Гайд-парке.

– И никакие они не дурацкие, – ухмыльнулся Бенедикт. – Я на них выиграл сто соверенов.

Она лукаво взглянула на него.

– Скачки почти всегда бывают дурацкими.

– По мнению женщин, – пробормотал Бенедикт.

– И вовсе...

– Не спорьте, не спорьте, так оно и есть, – перебил он ее.

Софи невольно улыбнулась.

– Что еще вам известно? – спросил он.

– От леди Уистлдаун? – Она побарабанила пальцами по щеке. – Как-то раз вы оторвали у куклы вашей сестры голову.

– Интересно, откуда ей об этом известно? – пробормотал Бенедикт.

– Может быть, леди Уистлдаун все-таки является членом вашей семьи?

– Это невозможно, нет, – решительно проговорил Бенедикт. – В нашей семье все такие умники, что непременно вычислили бы ее.

Софи громко рассмеялась, и Бенедикт внимательно посмотрел на нее. Леди Уистлдаун писала про куклу, которой оторвали голову, два года назад в одной из своих первых заметок. Это сейчас «Светская хроника леди Уистлдаун» продается далеко за пределами Лондона, а в то время ее читателями были исключительно жители столицы.

А это означает, что два года назад таинственная незнакомка жила в Лондоне. И в то же время она не узнала его до тех пор, пока не повстречалась с Колином.

Следовательно, живя в Лондоне, она не выезжала в свет. Может быть, она была самой младшей в семье и, пока ее старшие сестры наслаждались балами и вечерами, сидела дома и читала светскую хронику?

Маловато, конечно, чтобы узнать, кто она такая, но для начала достаточно.

– Что вам еще известно? – спросил он, надеясь, что она, сама того не ведая, еще каким-нибудь образом приоткроет завесу над своей тайной.

Она хмыкнула, явно довольная собой.

– Что вы пока не собираетесь жениться и это обстоятельство весьма огорчает вашу матушку, которая жаждет видеть вас семейным человеком.

– С тех пор как мой брат уехал из дома и женился, она уже не так меня донимает.

– Ваш брат виконт?

Бенедикт кивнул.

– Леди Уистлдаун и об этом писала.

– И весьма подробно, хотя... – Бенедикт наклонился к ней и заговорщически прошептал: – кое-что она упустила.

– Вот как? – встрепелась незнакомка. – И что же она упустила?

Бенедикт поцокал языком и покачал головой:

– Я не собираюсь выдавать вам секреты ухаживания своего брата, ведь вы даже не хотите назвать мне вашего имени.

– «Ухаживание» – слишком сильно сказано, – фыркнула она. – Леди Уистлдаун писала...

– Леди Уистлдаун, – перебил он ее, насмешливо улыбувшись, – не знает всего того, что происходит в Лондоне.

– А мне кажется, что ей известно почти обо всем.

– Вы так считаете? – задумчиво проговорил Бенедикт. – Позвольте с вами не согласиться. И в подтверждение своих слов могу привести вам пример. Если бы леди Уистлдаун оказалась сейчас на этой террасе, она бы ни за что не угадала, кто вы такая.

Бенедикт с удовлетворением отметил, что глаза незнакомки расширились.

– Я прав? – спросил он, скрестив руки на груди.

Она кивнула.

– Отчасти. Я так хорошо замаскировалась, что сейчас меня никто бы не узнал.

– А если бы вы сняли маску? Тогда бы она вас узнала? – спросил Бенедикт, вскинув брови.

Оттолкнувшись от перил, незнакомка сделала несколько шагов по направлению к центру террасы.

– На этот вопрос я не хочу отвечать.

Бенедикт направился за ней следом.

– Я так и думал. И тем не менее все равно задал бы его.

Софи обернулась, и у нее перехватило дыхание: он стоял совсем рядом, всего в нескольких дюймах от нее. Она слышала, что он направился за ней, однако не подозревала, что он так близко. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, однако, к своему удивлению, не смогла произнести ни слова. Могла лишь, не отрываясь, смотреть в эти темные-темные глаза в прорезях маски.

Какие уж тут слова, когда дышать и то трудно.

– Вы так и не потанцевали со мной, – проговорил Бенедикт.

Она продолжала молча смотреть на него. Он положил ей на талию свою большую руку, и в том месте ей сразу стало горячо. Воздух внезапно стал душным, как перед грозой.

«Он напоен страстью», – подумала Софи. Она слышала о ее существовании от служанок, хотя хорошо воспитанная девушка не должна об этом знать.

Но ее нельзя отнести к разряду хорошо воспитанных девушек, мелькнула в голове дерзкая мысль. Она незаконнорожденная дочь графа. Она не принадлежит к великосветскому обществу и никогда не будет принадлежать. Так стоит ли жить по его правилам?

Она поклялась, что никогда не станет ничьей любовницей, никогда не допустит, чтобы ее ребенок повторил ее собственную судьбу, став незаконнорожденным. Но ведь сейчас о подобном безрассудстве и речи нет. Один танец, один поцелуй – вот и все, что ее, быть может, ждет.

Конечно, этого достаточно, чтобы погубить ее репутацию, но какая у нее репутация, чтобы опасаться ее потерять? Она находится вне общества, вне стаи. И потом, так хочется хоть один раз в жизни почувствовать себя счастливой.

– Значит, вы не собираетесь от меня сбежать, – пробормотал он, и его темные глаза вспыхнули.

Она покачала головой, удивляясь тому, что он снова без труда догадался, о чем она думает. В другое время она бы испугалась, но сейчас, среди волшебной ночи, когда ласковый ветерок теребил ее волосы, а снизу доносились чарующие звуки музыки, почувствовала приятное возбуждение.

– Куда я должна положить руку? – спросила она. – Я хочу танцевать.

– Мне на плечо, – пояснил он. – Нет, чуть ниже. Вот так.

– Должно быть, вы считаете меня просто дурочкой, – заметила она. – Не уметь танцевать...

– Я считаю вас очень смелой, потому что вы не побоялись в этом признаться. – Рука его нашла ее руку и медленно подняла ее. – Большинство моих знакомых женского пола придумали бы, что у них болит нога, или сказали бы, что не любят танцевать.

Она подняла голову и взглянула ему в глаза, прекрасно понимая, что от этого у нее перехватит дыхание.

– Я не умею притворяться, – сказала она и почувствовала, как рука, лежавшая на талии, дрогнула.

– Вслушайтесь в музыку, – приказал ей Бенедикт внезапно охрипшим голосом. – Чувствуете, как она идет то вверх, то вниз?

Она покачала головой.

– Прислушайтесь же, – прошептал он ей на ушко. – Раз-два-три, раз-два-три.

Софи закрыла глаза, и внезапно сквозь бесконечную болтовню гостей прорезалась тихая музыка. Затаив дыхание, Софи принялась покачиваться ей в такт, а Бенедикт продолжал считать:

– Раз-два-три, раз-два-три.

– Я чувствую ее, – прошептала она.

Он улыбнулся. Софи и сама не знала, как об этом догадалась, ведь глаза ее по-прежнему были закрыты. Она почувствовала, что он улыбается, поняла это по его дыханию.

– Хорошо, – проговорил он. – Теперь смотрите на мои ноги, а я вас буду вести.

Софи открыла глаза и взглянула вниз.

– Раз-два-три, раз-два-три.

Она нерешительно шагнула вперед... прямо на его ногу.

– Ой! Простите! – воскликнула она.

– Ничего, мои сестренки наступали гораздо больше, – заверил он ее. – Попробуйте еще раз.

Она попробовала и внезапно почувствовала, что ее ноги знают, что им делать.

– Ой! – изумленно воскликнула она. – Как хорошо!

– Поднимите голову, – тихо приказал он.

– Но я споткнусь.

– Не споткнетесь. Я вам не позволю. Смотрите мне в глаза.

Софи подчинилась. Глаза их встретились, и, похоже, что-то внутри у нее замкнулось: она никак не могла отвести взгляда. Он закружил ее по террасе, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, и вскоре Софи почувствовала, что у нее перехватило дыхание и закружилась голова.

И все это время она не отводила от него взгляда.

– Что вы чувствуете? – спросил он.

– Все! – ответила она смеясь.

– Что вы слышите?

– Музыку. – Глаза ее изумленно сияли. – Я слышу музыку, которой никогда раньше не слышала.

Рука его сжала ее талию, и расстояние между ними сократилось еще на несколько дюймов.

– Что вы видите? – спросил он.

Софи споткнулась, однако, по-прежнему не сводя с него глаз, прошептала:

– Я вижу свою душу.

Бенедикт резко остановился.

– Что вы сказали? – спросил он тоже шепотом.

Софи молчала. Ей показалось, что эта секунда полна какого-то глубокого смысла, и она боялась ее испортить.

Вернее, боялась сделать ее еще лучше. Потому что, когда она после полуночи вернется к своей обычной жизни, ей станет невыносимо больно.

О господи! Да как она вообще сможет вернуться к своей привычной жизни? Как сможет после всего случившегося с ней вновь чистить туфли Араминте?

– Я слышал, что вы сказали, – проговорил Бенедикт хрипловатым голосом. – Я...

– Молчите, – прервала его Софи.

Она не хотела услышать его признание. Не хотела услышать слова, которые навсегда привязали бы ее к этому человеку.

Впрочем, похоже, уже поздно...

Он посмотрел на нее долгим взглядом и наконец прошептал:

– Я молчу. Ни слова не скажу. – И, Софи и ахнуть не успела, прильнул губами к ее губам. Губы его оказались на удивление нежными.

Он медленно провел ими по губам Софи, и она почувствовала, как у нее мурашки побежали по телу.

Потом его рука, которой он обнимал ее за талию, – та, что так легко вела ее в танце, – начала притягивать ее к себе, медленно, но неотвратимо. По мере того как сближались их

тела, Софи чувствовала, что ее все больше и больше бросает в жар, и когда наконец их тела соприкоснулись, она уже была объята огнем.

Он показался ей очень большим и сильным, и в его объятиях она почувствовала себя самой прекрасной женщиной на свете.

И внезапно все стало казаться возможным, даже жизнь, не наполненная вечным рабским трудом.

Губы его стали еще более смелыми, язык зашекотал уголок ее рта. Рука, которой он по-прежнему обнимал ее за талию, скользнула по ее руке, потом добралась по спине до затылка, и пальцы принялись вытаскивать из прически пряди волос.

– Какие же у вас мягкие волосы, как шелк, – прошептал он, и Софи улыбнулась: Бенедикт был в перчатках.

Он отстранился и удивленно спросил:

– Над чем вы смеетесь?

– Откуда вы знаете? Ведь вы в перчатках.

Он усмехнулся, задорно, по-мальчишески, и Софи почувствовала, как иступленно забились сердце.

– Сам не знаю. Просто знаю, и все. – Улыбка его стала еще шире. – Но чтобы убедиться в своей правоте, может быть, проверить получше?

И он протянул Софи руку.

– Не окажете ли мне любезность?

Несколько секунд Софи смотрела на его руку недоумевающим взглядом и наконец догадалась, чего он хочет. Прерывисто вздохнув, она отступила на шаг и обеими руками взялась за его руку. Медленно дернула она сначала за один палец перчатки, потом за другой, третий, четвертый, пятый, после чего потянула и сняла всю перчатку из тончайшей ткани.

Держа ее в руке, подняла голову. Он смотрел на нее со странным выражением на лице, которого она не могла бы объяснить.

– Я хочу прикоснуться к вам, – прошептал он и легонько погладил ее щеку. Потом рука его скользнула вверх, к волосам. Легонько потянув, он высвободил из прически легкий локон и принялся наматывать его на указательный палец.

– Я ошибся, – пробормотал он. – Ваши волосы даже мягче шелка.

Внезапно Софи ощутила яростное желание тоже прикоснуться к нему.

– Теперь моя очередь, – тихонько проговорила она и протянула руку.

Глаза Бенедикта вспыхнули, и он энергично принялся освобождать ее руку от перчатки, точно так же как делала это она, однако, не завершив начатое, прильнул поцелуем к нежной коже чуть ниже локтя.

– Тоже мягче шелка, – пробормотал он.

Софи поспешно ухватила свободной рукой за его плечо, иначе бы ей ни за что не устоять.

Он потянул за перчатку, и она начала соскальзывать с ее руки невыносимо медленно, а губы Бенедикта следовали за ней, повторяя весь ее путь. На секунду оторвавшись от ее руки, он спросил:

– Не возражаете, если я ненадолго останусь здесь? Софи лишь кивнула в ответ. Говорить она не могла. Бенедикт провел языком по нежной коже.

– О господи... – простонала Софи.

– Я так и думал, что вам понравится, – довольно произнес Бенедикт, и его горячее дыхание опалило ей кожу.

Софи кивнула. Вернее, хотела кивнуть, а вот сделала это или нет, и сама не знала.

А губы Бенедикта продолжали сводить ее с ума. Вот они подобрались к запястью, задержались там на секунду, после чего коснулись середины ладони, да так и остались там надолго.

– Кто вы? – спросил Бенедикт, подняв наконец голову, однако не выпуская ее руку из своей.

Она покачала головой.

– Я должен знать.

– Я не могу сказать. – И, видя, что подобного ответа он не приемлет, прибавила, покрывив душой: – Пока не могу.

Взяв ее за палец, Бенедикт ласково коснулся его губами.

– Я хочу видеть вас завтра, – тихонько проговорил он. – Хочу нанести вам визит и посмотреть, где вы живете.

Софи промолчала, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не заплакать.

– Я хочу познакомиться с вашими родителями, погладить вашу любимую собачку, – сдавленным голосом продолжал он. – Вы понимаете, что я хочу сказать?

Снизу по-прежнему доносились звуки музыки и приглушенные разговоры, но до слуха Софи и Бенедикта они не доходили. Молодые люди слышали лишь собственное учащенное дыхание.

– Я хочу... – голос его понизился до шепота, глаза по-прежнему смотрели удивленно, словно он не совсем верил собственным словам, – я хочу, чтобы ваше будущее принадлежало мне. Хочу, чтобы вы вся принадлежали мне.

– Молчите, прошу вас, – взмолилась Софи, обретя наконец дар речи. – Ни слова больше!

– Тогда скажите мне, как вас зовут. Скажите, где мне вас завтра найти.

– Я... – И в этот момент раздался странный звенящий звук. – Что это?

– Гонг, – ответил Бенедикт, – сигнал снять маски.

– Что?! – не поняла Софи, чувствуя тем не менее, что ее начинает охватывать паника.

– Должно быть, уже полночь.

– Полночь! – ахнула Софи.

Он кивнул:

– Время, когда полагается снимать маски.

Рука Софи судорожно рванулась к виску и крепко прижала маску к лицу.

– Что с вами? – удивился Бенедикт.

– Я должна идти! – выпалила Софи и, подхватив юбки, бросилась с террасы.

– Подождите! – послышалось у нее за спиной.

Бенедикт протянул руку, пытаясь ухватить ее за подол платья. Тщетно. Софи оказалась проворнее, и, что, быть может, гораздо важнее, ее охватила самая настоящая паника, заставив действовать молниеносно. Выскочив с террасы в холл, она помчалась по направлению к бальному залу, словно за ней гнались сто чертей.

Она вихрем ворвалась в зал, зная, что Бенедикт от нее не отстанет, и понимая, что в огромной толпе ей нетрудно будет затеряться. Все, что от нее требовалось, – это добраться до выхода, потом выбежать из дома, завернуть за угол и сесть в ожидавшую ее карету.

Развеселившиеся гости все еще снимали маски. То тут, то там раздавались взрывы смеха. Энергично работая локтями, Софи пробивалась к боковой двери. На секунду остановившись, она обернулась. Бенедикт вошел в бальный зал. Похоже, он ее еще не увидел, однако Софи понимала, что за этим дело не станет. Он непременно ее увидит. Серебристое платье не разглядеть невозможно.

И Софи снова устремилась к двери, расталкивая гостей. По крайней мере половина из них никак не отреагировали на то, что их толкают: вероятно, были слишком пьяны.

– Простите, – пробормотала она, толкнув в бок Юлия Цезаря. – Извините, – простонала, когда Клеопатра больно наступила ей на ногу. – Простите, я... – И замолчала, чувствуя, что у нее перехватило дыхание: перед ней стояла Араминта.

Она все еще была в маске, равно как и Софи, однако Софи понимала, что если ее кто-то и узнает, так это только Араминта.

– Нужно смотреть, куда идете! – рявкнула Араминта и, пока Софи стояла разинув рот, подхватила юбки и горделиво прошествовала дальше.

Араминта ее не узнала! Если бы Софи не спешила выбраться из Бриджертон-Хауса, пока Бенедикт ее не догнал, она рассмеялась бы от восторга.

Софи судорожно оглянулась. Бенедикт уже ее заметил и теперь проталкивался сквозь толпу, причем это ему удавалось гораздо лучше, чем ей. Ахнув, Софи с удвоенной энергией заработала локтями и наконец добралась до двери, толкнув по пути двух греческих богинь с такой силой, что бедняги едва не приземлились на пол.

У двери она на секунду оглянулась – Бенедикта перехватила какая-то пожилая дама с тростью – и, облегченно вздохнув, выбежала из бального зала, потом из дома и, завернув за угол, увидела поджидавшую ее карету Пенвудов, о чем ее и предупреждала миссис Гиббонз.

Вскочив в нее, Софи крикнула вознице:

– Гони!

Кучер взмахнул кнутом, стегнул лошадей, и карета покатила.

Слава богу, уехала!

Глава 4

Несколько участников бала-маскарада сообщили автору этих строк, что видели Бенедикта Бриджертона в обществе неизвестной дамы в серебристом платье.

Но как ни старалась автор этих строк, она так и не смогла узнать, кто эта таинственная незнакомка. И если уж автору этих строк не удалось это выяснить, будьте уверены, это не удастся никому».

*«Светская хроника леди Уистлдаун»,
7 июня 1815 года*

Она уехала...

Бенедикт стоял на тротуаре перед Бриджертон-Хаусом, озираясь по сторонам. Вся Гросвенор-сквер была запружена каретами. Она могла быть в одной из них. А могла притаиться где-нибудь в сторонке, пережидая поток транспорта, чтобы перейти на другую сторону. А могла быть в одной из тех трех карет, которым удалось выбраться из уличной пробки и свернуть за угол.

Но так или иначе, ее нигде не было видно.

Бенедикт готов был придушить леди Данбери, которая, пригвоздив его ногу к полу своей дурацкой тростью, заставила стоять и слушать ее мнение относительно маскарадных костюмов гостей. К тому времени, как ему удалось освободиться от назойливой старухи, таинственная незнакомка уже скрылась в боковой двери бального зала.

А он знал, что встречаться с ним не входило в ее планы. Бенедикт выругался себе под нос. Ни с одной из девиц, которых сватала ему мать – а их было бесчисленное количество, – никогда он не чувствовал такого полного родства душ, как с таинственной незнакомкой в серебристом платье. С самого первого момента, как он ее увидел, точнее, еще до того, как он ее увидел, когда он только почувствовал ее присутствие, в душе возникло радостное, пьянящее чувство, какого он не испытывал уже много лет. Было такое ощущение, будто он совсем юноша, перед которым простирается вся жизнь, полная радостных надежд и счастья.

И в то же время...

Бенедикт снова выругался, на сей раз от сожаления.

И в то же время он даже не знает, какого цвета у нее глаза. Определенно не карие. В этом он совершенно уверен. Однако в призрачном свете свечей он так и не смог определить, голубые они или зеленые, светло-карие или серые. И это почему-то казалось ему самым ужасным. Это мучило его, не давало покоя.

Говорят, глаза – зеркало души. Если он и в самом деле нашел женщину своей мечты, с которой он наконец-то сможет создать семью и связать свое будущее, значит, он просто обязан знать, какого цвета у нее глаза.

Отыскать ее будет непросто. Всегда трудно отыскать человека, который не желает, чтобы его нашли, а это как раз такой случай.

Ключей к разгадке ее тайны у него практически никаких нет. Несколько оброненных замечаний о том, что она читает хронику леди Уистлдаун, и...

Взгляд Бенедикта упал на перчатку, которую он по-прежнему сжимал в правой руке. Он совсем забыл о ней, когда мчался вслед за таинственной незнакомкой через бальный зал. Он поднес ее к носу и вдохнул ее запах, однако, к своему удивлению, обнаружил, что она пахнет не розовой водой и мылом, как таинственная незнакомка, а пылью, словно эта вещь пролежала где-то в сундуке не один десяток лет.

Странно... С чего бы это ей надевать древнюю перчатку?

Бенедикт повертел ее в руке, словно это могло привести его на какую-то мысль, и внезапно в глаза ему бросились крошечные буквы, вышитые у самого края.

«С.Л.Г.». Чьи-то инициалы.

Но чьи они? Ее или нет?

И фамильный герб. Он такого не знает.

А вот мама, пожалуй, может знать. Мама о таких вещах все знает. И есть надежда, что если она узнает герб, то сможет сказать, кому принадлежат инициалы «С.Л.Г.».

Бенедикт почувствовал, как в душе вспыхнула искорка надежды. Он отыщет ее.

Отыщет и сделает своей. Иначе и быть не может.

Всего полчаса потребовалось Софи для того, чтобы вернуть себе прежний, привычный невзрачный облик. Она сняла серебристое платье, блестящие серьги, распустила волосы, аккуратно поставила туфли Араминты, украшенные розочками из фальшивых бриллиантов, обратно в шкаф, а помаду, которой красила губы, отнесла в комнату Розамунд и положила на туалетный столик служанка. После этого целых пять минут массировала лицо, чтобы исчезли следы, оставленные маской.

И вот теперь Софи выглядела точно так же, как всегда, перед тем как лечь в постель – волосы заплетены в косу, на ногах теплые чулки, чтобы не замерзнуть ночью, если будет прохладно.

Жалкая простушка, на которую ни за что не обратишь внимания. Сказочная принцесса исчезла без следа.

И что самое грустное, исчез и ее Прекрасный принц. Бенедикт Бриджертон оказался именно таким, каким его описывала леди Уистлдаун: красивым, сильным, изящным. В общем, предел мечтаний любой девушки. Однако ей о нем можно не мечтать. Такие мужчины, как Бенедикт Бриджертон, не женятся на внебрачных дочерях графа и его горничной.

Но весь сегодняшний вечер он принадлежал ей, и этого должно быть достаточно.

Софи взяла маленькую игрушечную собачку, которая была у нее с детства. Она хранила ее все эти годы как напоминание о более счастливых временах. Обычно она стояла у нее на туалетном столике, но сейчас ей почему-то захотелось, чтобы она была поближе. Забравшись под одеяло, Софи свернулась клубочком и прижала к себе собачку.

А потом крепко закрыла глаза и закусил губу, чтобы не расплакаться, но предательские слезы потекли по щекам и закапали на подушку.

Предстояла длинная бессонная ночь.

– Узнаешь?

Сидя в гостиной, милой комнатке в бежево-розовых тонах, Бенедикт Бриджертон протянул матери перчатку – единственную ниточку, соединявшую его с таинственной незнакомкой в серебристом платье.

Вайолет Бриджертон взяла перчатку, внимательно взглянула на герб и уже через секунду изрекла:

– Пенвуд.

– Ты имеешь в виду графа Пенвуда?

Вайолет кивнула.

– Буква «Г» означает Ганнингуорт. Если мне не изменяет память, этот титул недавно ушел из семьи. Граф умер бездетным лет шесть-семь назад, и титул перешел к его дальнему родственнику. Кстати, хочу тебе напомнить, – прибавила она, неодобрительно покачав головой, – что вчера ты забыл потанцевать с Пенелопой Фезерингтон. Хорошо еще, твой брат тебя выручил. Потанцевал с ней вместо тебя.

С трудом подавив раздражение, Бенедикт продолжал разговор на интересующую его тему.

– И кто эта «С.Л.Г.»?

Вайолет подозрительно прищурилась.

– А почему это так тебя интересует?

– Я не сомневался, что ты ни за что просто так не ответишь на вопрос. Тебе обязательно понадобится задать свой, – со вздохом проговорил Бенедикт.

– Ты же меня знаешь, – фыркнула Вайолет.

Бенедикт едва сдержался, чтобы не вздуть глаза к потолку.

– Так кому принадлежит эта перчатка, Бенедикт? – спросила Вайолет и, когда он не ответил, поспешно продолжала: – Можешь мне все рассказать. Ты же знаешь, я и так все выясню, но тебе же будет гораздо лучше, если я не стану расспрашивать посторонних людей.

Бенедикт вздохнул. Он и сам это понимал. Придется ей все рассказать. Или по крайней мере почти все. Меньше всего на свете ему хотелось делиться своими соображениями с матерью, не оставлявшей надежду его женить. И если сейчас он расскажет о своей таинственной незнакомке, мать наверняка вообразит, что надежды ее сбываются. Но ничего не поделаешь. Если он хочет отыскать женщину, поразившую его воображение, придется пойти на этот шаг.

– На маскараде я встретил одну девушку, – наконец сказал он.

Вайолет восторженно захлопала в ладоши.

– Неужели?

– Именно из-за нее я и забыл потанцевать с Пенелопой.

У Вайолет был такой вид, что она сейчас умрет от восторга.

– И кто же она? Одна из дочерей Пенвуда? – Она нахмурилась. – Нет, это невозможно. У него не было дочерей. Но было две падчерицы. – Она нахмурилась еще сильнее. – Хотя, должна признаться, мне бы и в голову не пришло... гм...

– О чем это ты?

Наморщив лоб, Вайолет, похоже, пыталась подобрать подходящие слова, что далось ей с трудом.

– Видишь ли, я ни за что бы не подумала, что ты можешь заинтересоваться одной из них. Но если это произошло, – продолжала она, просияв, – я могу пригласить вдовствующую графиню на чай. Это самое меньшее, что я могу сделать.

Бенедикт хотел что-то сказать, но, заметив, что мать снова нахмурилась, спросил:

– Ну что еще, мама?

– Ничего, – ответила Вайолет. – Вот только...

– Да говори же, мама!

– Просто мне не очень нравится вдовствующая графиня. – Вайолет слабо улыбнулась. – Мне она всегда казалась холодной и амбициозной.

– Кое-кто и тебя может назвать амбициозной, мама, – заметил Бенедикт.

Вайолет недовольно поморщилась.

– Амбиции амбициям рознь. Я, например, очень хочу, чтобы все мои дети счастливо женились и вышли замуж, но я ни за что не стану выдавать свою дочь за семидесятилетнего старца только потому, что он герцог.

– А вдовствующая графиня это сделала? – Бенедикт не мог припомнить, чтобы какой-нибудь семидесятилетний герцог недавно женился.

– Нет, – призналась Вайолет, – но сделала бы. В то время как я...

Мать величественным жестом указала на себя, и Бенедикт с трудом сдержал улыбку.

– Я бы разрешила своим детям жениться на нищенках, лишь бы они были счастливы.

Бенедикт изумленно вскинул брови.

– Естественно, при условии, что эти нищенки придерживались бы строгих моральных правил и не отлынивали от работы. Ни лентяек, ни развратниц я бы не потерпела.

Бенедикт, чтобы не рассмеяться матери в лицо, тактично кашлянул в носовой платок.

– Но можешь не прислушиваться к моему мнению, – спохватилась Вайолет, искоса взглянув на сына и легонько стукнув его по руке.

– Ну что ты, – поспешно проговорил он.

Довольно улыбнувшись, Вайолет продолжала:

– Я сумею скрыть свои чувства к вдовствующей графине, если тебе понравилась одна из ее дочерей. – Она с надеждой взглянула на сына. – Какая же из них тебе приглянулась?

– Понятия не имею, – признался Бенедикт. – Я так и не узнал ее имени. У меня осталась лишь ее перчатка.

Вайолет строго взглянула на него.

– Я даже не собираюсь тебя спрашивать, откуда у тебя ее перчатка.

– Уверю тебя, ничего предосудительного между нами не произошло.

Лицо Вайолет выражало крайнее сомнение.

– У меня слишком много сыновей, чтобы этому поверить.

– Давай вернемся к инициалам, – напомнил Бенедикт.

Вайолет снова взглянула на перчатку.

– Довольно старая, – заметила она.

Бенедикт кивнул:

– Мне тоже так показалось. Немного пахнет пылью, словно хранилась где-то много лет.

– И швы потертые, – продолжала Вайолет. – Не знаю, что означает «Л», но «С» вполне может означать «Сара». Так звали умершую мать графа. Судя по возрасту перчатки, это вполне возможно.

Пристально взглянув на перчатку, Бенедикт произнес:

– Поскольку я совершенно уверен в том, что вчера разговаривал не с призраком, как ты считаешь, кому может принадлежать эта перчатка?

– Понятия не имею. Думаю, кому-то из семьи Ганнингуорт.

– А ты знаешь, где они живут?

– В Пенвуд-Хаусе, – ответила Вайолет. – Новоиспеченный граф их еще не выгнал. Даже не знаю почему. Может быть, испугался, что они захотят жить с ним вместе, когда он переедет в новый дом. По-моему, его нет в городе даже во время сезона. Во всяком случае, я его не видела.

– А ты, случайно, не знаешь...

– Где находится Пенвуд-Хаус? – не дала договорить ему Вайолет. – Конечно, знаю. Недалеко, всего в нескольких кварталах отсюда.

Не успела она рассказать сыну подробнее, где находится Пенвуд-Хаус, как он вскочил и устремился к двери.

– Бенедикт, подожди! – окликнула его Вайолет, насмешливо улыбаясь.

Он обернулся.

– Да?

– Дочерей графини зовут Розамунд и Поззи. Если это тебя интересует.

Розамунд и Поззи. Ни то ни другое имя таинственной незнакомке, по его мнению, не подходило. Но кто знает, вдруг он ошибается? Может быть, кто-то считает, что и его имя ему не подходит? Он снова бросился к двери, но мать опять остановила его.

– Бенедикт!

Он обернулся.

– Да, мама? – нарочито недовольно буркнул он.

– Ты ведь расскажешь мне, что произойдет?

– Ну конечно, мама.

– Ты лукавишь, – улыбнулась она, – но я тебя прощаю. Так приятно видеть тебя влюбленным.

– Я вовсе не...

– Как скажешь, дорогой, – махнула рукой мать.

Решив, что отвечать не стоит, Бенедикт раздраженно закатил глаза и, выскочив из комнаты, понесся к входной двери.

– Софи-и!

Софи испуганно вскинула голову. Голос Араминты звучал еще раздраженнее, чем обычно, если, конечно, такое возможно.

– Софи! Черт подери! Где эта проклятая девчонка?

– Эта проклятая девчонка здесь, – пробормотала Софи, кладя серебряную ложку, которую усердно чистила.

Чистка серебра не входила в ее обязанности, поскольку Софи являлась личной горничной Араминты, Розамунд и Позы, однако Араминта, похоже, была твердо намерена загонять ее до смерти.

– Я здесь! – крикнула она и, поднявшись, вышла в холл. Интересно, чем это Араминта разгневана на этот раз? – Миледи? – позвала она, озираясь по сторонам.

Араминта выскочила из-за угла, держа в руке какой-то предмет.

– Это что такое?! – рявкнула она, протягивая этот предмет Софи.

Взгляд Софи упал на руку Араминты, и она едва сдержалась, чтобы не ахнуть: Араминта держала в руке туфли, которые она, Софи, позаимствовала у нее для бала-маскарада.

– Я... я не понимаю, о чем вы, – пролепетала она.

– Эти туфли были совершенно новыми!

Софи молча ждала, что будет дальше, пока не сообразила, что Араминта ждет от нее ответа.

– И что же?

– Ну-ка посмотри сюда! – взвизгнула Араминта, тыча пальцем в каблук. – Он поцарапан! Видишь? Как это могло случиться?

– Понятия не имею, миледи. Может быть...

– Не может быть, а точно! – выпалила Араминта. – Кто-то надевал мои туфли.

– Уверяю вас, их никто не надевал, – ответила Софи, удивляясь тому, что голос ее звучит спокойно. – Всем известно, как вы трепетно относитесь к своей обуви.

Араминта подозрительно прищурилась.

– Ты что, издеваешься надо мной?

«С удовольствием поиздевалась бы над тобой, да не смею», – подумала Софи.

– Ну что вы, – ответила она. – Конечно, нет. Просто я хочу сказать, что вы следите за своими туфлями, поэтому они так долго носят. – И, видя, что Араминта молчит, прибавила: – А это, в свою очередь, означает, что можно гораздо реже покупать обувь.

Софи и сама поразились тому, какую чушь несет. У Араминты было уже столько туфель, сколько за всю жизнь не сносить.

– Это ты виновата! – прошипела Араминта.

По мнению мачехи, Софи была всегда и во всем виновата, но на сей раз она попала в точку, и Софи, ни словом не возразив, лишь спросила:

– Что мне сделать, миледи?

– Я хочу знать, кто надевал мои туфли.

– Может быть, они поцарапались в шкафу или вы случайно сами их поцарапали, когда надевали в последний раз?

– Я никогда ничего не делаю случайно! – рявкнула Араминта.

Софи мысленно с ней согласилась. Араминта всегда все делала обдуманно.

– Я могу порасспрашивать служанок, – предложила Софи. – Может быть, кто-то что-то знает.

– Эти служанки – сборище кретинок, – буркнула Араминта. – У них в голове по одной извилине.

Софи подождала, когда Араминта скажет: «Тебя я не имею в виду», – но, естественно, не дождалась.

– Я могу как следует их почистить, – предложила она наконец. – Уверена, с этой царапиной можно что-то сделать.

– Каблуки обтянуты шелком, – фыркнула Араминта. – Если ты умудришься их почистить, не порвав его, значит, я тебя недооценивала.

– Я могла бы аккуратненько потереть поцарапанное место щеткой, – предложила Софи.

– Потри, – приказала Араминта. – И поскольку уж ты будешь этим заниматься...

«О господи, ну почему Араминта так любит это выражение?» – с тоской подумала Софи.

– ... вычисти все мои туфли.

– Все?! – ахнула Софи.

Коллекция обуви Араминты насчитывала по меньшей мере восемьдесят пар.

– Все. И поскольку уж ты будешь этим заниматься...

«Нет, только не это!» – ужаснулась Софи.

– Леди Пенвуд?

Араминта, оборвав себя на полуслове – к великой радости Софи, – обернулась. За ее спиной стоял дворецкий.

– К вам джентльмен, миледи, – сообщил он, вручая Араминте хрустящую белую визитную карточку.

Араминта взяла ее и, прочитав имя, так и ахнула.

– Чай! Печенье! Самое лучшее столовое серебро! Быстрее! – скомандовала она, повернувшись к дворецкому.

Тот бросился выполнять приказ.

– Могу я чем-нибудь помочь? – спросила Софи, глядя на Араминту с нескрываемым любопытством.

Та недоуменно захлопала глазами, словно совсем забыла о ее присутствии.

– Нет! – выпалила она. – Сейчас не до тебя. Немедленно отправляйся наверх. – И, помолчав, прибавила: – Что ты вообще здесь делаешь?

Софи указала рукой на двери столовой, из которой только что вышла.

– Вы приказали мне почистить...

– Я приказала тебе заняться моими туфлями! – взвизгнула Араминта.

– Хорошо, – спокойно ответила Софи. Араминта вела себя очень странно, даже для себя самой. – Вот только...

– Немедленно!

Софи устремила к лестнице.

– Подожди!

Софи повернулась и испуганно спросила:

– Да?

Поджав губы, отчего лицо ее сделалось ужасно некрасивым, Араминта бросила:

– Проверь, чтобы Розамунд и Позы были как следует причесаны.

– Конечно.

– А потом скажешь Розамунд, что я приказала запереть тебя в стенном шкафу.

Софи недоуменно уставилась на нее. Неужели она и в самом деле думает, что она прикажет Розамунд себя запереть?

– Ты меня поняла?

Софи хотела кивнуть и не смогла. Есть вещи, которые слишком унижительны.

Араминта подошла к ней вплотную и прошипела:

– Ты мне не ответила. Ты меня поняла?

Софи едва заметно кивнула. С каждым днем она находила все новые и новые подтверждения ненависти Араминты к себе.

– Почему вы меня здесь держите? – неожиданно для самой себя прошептала она.

– Потому что от тебя есть кое-какая польза, – прошептала Араминта в ответ и, повернувшись, пошла прочь.

Посмотрев ей вслед, Софи помчалась вверх по лестнице. Прически и у Розамунд, и у Позы показались ей вполне приличными. Переделывать их, по мнению Софи, было не нужно. Повернувшись к Позе, она вздохнула и попросила:

– Запри меня, пожалуйста, в стенном шкафу.

– Что сделать? – удивилась Поза.

– Запереть меня в стенном шкафу. Мне было приказано попросить об этом Розамунд, но я не могу заставить себя это сделать.

Поза с живейшим интересом заглянула в стенной шкаф.

– Могу я спросить почему?

– Чтобы я вычистила все туфли твоей матери.

Поза смущенно кашлянула.

– Мне очень жаль.

– Мне тоже, – вздохнула Софи. – Мне тоже.

Глава 5

И снова о бале-маскараде у Бриджертонов. По мнению автора этих строк, костюм мисс Позы Рейлинг нельзя назвать удачным, однако он был не настолько плох, как костюмы миссис Фезерингтон и двух ее старших дочерей, которые нарядились фруктами: Филиппа – апельсином, Пруденс – яблоком, а сама миссис Фезерингтон – виноградом.

К сожалению, ни один из этих фруктов не вызывал желания их съесть.

*«Светская хроника леди Уистлдаун»,
7 июня 1815 года*

Сидя в гостиной леди Пенвуд, Бенедикт в сотый раз похлопал по карману сюртука, чтобы проверить, на месте ли перчатка. Слава богу, по-прежнему здесь, никуда не делась. Интересно, почему он так волнуется? Не оттого ли, что так и не придумал, о чем говорить с вдовствующей графиней, когда она наконец объявится? Вряд ли. Наверняка что-нибудь придумает, найдет нужные слова. Так что же с ним такое?

Так и не найдя ответа на этот вопрос, Бенедикт, пристукивая ногой, раздраженно взглянул на каминные часы. Он вручил дворецкому свою визитную карточку уже пятнадцать минут назад, значит, леди Пенвуд будет здесь с минуты на минуту. Согласно неписаному правилу, великосветским дамам надлежало заставлять своих посетителей ждать по меньшей мере пятнадцать минут, а если же дама отличалась особенно капризным характером, то и все двадцать.

Черт бы побрал это дурацкое правило! И почему это люди в отличие от него ни в грош не ставят пунктуальность?

– Мистер Бриджертон!

Бенедикт поднял голову. В комнату изящной походкой вошла довольно привлекательная, одетая по самой последней моде блондинка лет за сорок. Она показалась Бенедикту смутно знакомой. Что ж, ничего удивительного. Они наверняка встречались на всевозможных светских мероприятиях, хотя и не были представлены друг другу.

– Вы, должно быть, леди Пенвуд, – пробормотал он и, поднявшись, учтиво поклонился.

– Совершенно верно, – ответила дама, грациозно наклонив голову. – Я чрезвычайно рада, что вы решили оказать нам честь своим визитом. Естественно, я сообщила об этом своим дочерям. Они будут здесь с минуты на минуту.

Бенедикт улыбнулся. Именно на это он и рассчитывал и был бы удивлен, если бы она действовала по-другому. Ни одна мать, имевшая дочерей на выданье, не проигнорировала бы Бриджертона.

– Буду счастлив с ними познакомиться, – проговорил он.

– Как, разве вы еще не знакомы? – удивилась леди Пенвуд.

Вот черт! Теперь она наверняка недоумевает, зачем он вообще к ним явился.

– Я столько о них слышан, – попытался он спасти положение.

Если об этом узнает леди Уистлдаун – а мимо леди Уистлдаун, похоже, ничто не проходит, – то скоро всему городу станет известно, что он ищет себе жену и присмотрел для этой цели одну из дочерей графини Пенвуд. С чего бы ему тогда наносить визит двум девицам, с которыми он даже не знаком?

Леди Пенвуд так и просияла.

– Моя дочь Розамунд считается одной из самых красивых барышень сезона.

– А ваша дочь Поза?

На секунду плотно сжав губы, Араминта разжала их и нехотя бросила:

– Поза... гм... просто восхитительна.

– Счастлив был бы познакомиться с Позой, – улыбаясь, заявил Бенедикт.

Леди Пенвуд захлопала глазами, однако, пытаясь скрыть свое удивление, проговорила с несколько натянутой улыбкой:

– Не сомневаюсь, что Поззи тоже будет счастлива с вами познакомиться.

В этот момент в гостиную вошла служанка с красивым серебряным чайным сервизом и, когда леди Пенвуд кивнула, поспешно поставила его на стол. Но не успела она выйти за дверь, как графиня, как показалось Бенедикту, чересчур резко спросила:

– Где ложки с монограммой Пенвудов?

Поспешно присев в реверансе, служанка пролепетала:

– Софи чистила серебро в гостиной, миледи, но ей пришлось подняться наверх, когда вы...

– Хватит! – оборвала ее леди Пенвуд, хотя сама спросила про ложки. – Уверена, мистер Бриджертон не настолько амбициозен, чтобы ему непременно нужны были к чаю ложки с монограммой.

– Конечно, нет, – пробормотал Бенедикт, подумав, что, должно быть, леди Пенвуд сама отличается амбициозно стью, поскольку решила их подать.

– Иди! – приказала графиня служанке, махнув рукой. – Вон!

Служанка бросилась к двери, а леди Пенвуд, повернувшись к Бенедикту, пояснила:

– На самом лучшем нашем серебре выгравирован фамильный герб Пенвудов.

– Вот как? – заинтересовался Бенедикт. Следовательно, герб, изображенный на перчатке, действительно является гербом Пенвудов. Отлично! – У нас в Бриджертон-Хаусе ничего подобного нет, – заметил он, надеясь, что говорит правду. Откровенно говоря, он никогда не обращал внимания на столовые и чайные предметы. – Мне бы очень хотелось взглянуть на ваше столовое серебро.

– Неужели? – обрадовалась леди Пенвуд, и глаза ее блеснули. – Я предполагала, что у вас тонкий вкус.

Бенедикт сдержанно улыбнулся.

– Нужно будет послать кого-нибудь в столовую. Если, конечно, эта чертова девчонка успела его почистить. – Она брезгливо поморщилась, отчего лицо ее приобрело крайне неприятное выражение.

– Вас что-то беспокоит? – вежливо осведомился Бенедикт.

Графиня покачала головой и небрежно махнула рукой.

– Просто я подумала о том, что так сложно найти приличную прислугу. Думаю, ваша матушка постоянно говорит то же самое.

Ничего подобного его мать не говорила. Может быть, потому, что в Бриджертон-Хаусе ко всем слугам относились с уважением, а те, в свою очередь, были искренне привязаны к семье. Но Бенедикт все равно кивнул.

– Когда-нибудь я вышвырну эту Софи из дома, – сказала графиня. – Ничего толком сделать не умеет!

Бенедикт почувствовал к бедняжке Софи жалость. Однако он пришел сюда вовсе не за тем, чтобы обсуждать с леди Пенвуд ее прислугу, и, решив перевести разговор на другую тему, указал на чайник.

– Полагаю, чай уже заварился?

– Да, конечно, – спохватилась леди Пенвуд и, улыбнувшись, спросила: – Вам с молоком и с сахаром?

– С молоком, но без сахара.

Пока графиня разливала чай, на лестнице послышались шаги, и Бенедикт почувствовал, как сердце его взволнованно забилося. С минуты на минуту в комнату войдут дочери графини, но только одна из них окажется таинственной незнакомкой с бала-маскарада. Лица ее он прак-

тически не видел, но помнил, какого она роста и телосложения, и был уверен в том, что у нее длинные светло-каштановые волосы.

Он наверняка ее узнает, иначе и быть не может.

Но когда в гостиную вошли две девушки, он тотчас же понял, что ни одна из них не была той, о которой он грезил наяву каждую минуту. У одной волосы были слишком светлые, держалась она слишком надменно и неестественно. В общем, холодная и не слишком приятная особа. Другая показалась Бенедикту более приятной, однако искал он явно не ее: слишком полная для его таинственной незнакомки, а волосы совсем темные.

Бенедикт изо всех сил скрывал разочарование. Пока его представляли девицам, он улыбался, потом галантно поцеловал у одной и у другой ручку, пробормотав какую-то чепуху о том, как он счастлив с ними познакомиться. После чего сделал вид, что толстушка ему понравилась больше, только потому, что ее мать явно обожала другую дочь.

Такие матери, как леди Пенвуд, не заслуживают этого звания, решил Бенедикт.

– А у вас есть еще дочери? – спросил он леди Пенвуд, когда с представлениями было покончено.

Та бросила на него странный взгляд.

– Конечно, нет, иначе я бы их привела с вами познакомиться.

– Просто я подумал – быть может, у вас есть еще младшие дочери от брака с графом.

Леди Пенвуд покачала головой:

– Господь не осчастливил нас с лордом Пенвудом детьми. В результате фамильный титул, к сожалению, ушел из семьи.

Бенедикт не мог не заметить, что графиня была скорее раздражена, чем опечалена этим обстоятельством.

– А у вашего мужа были братья или сестры? – спросил он. Может быть, таинственная незнакомка доводилась Ганнингуорту племянницей?

Графиня бросила на него подозрительный взгляд, и вполне заслуженный, решил Бенедикт: подобные вопросы не принято задавать во время первого визита.

– Само собой разумеется, у моего покойного мужа не было братьев, иначе титул не ушел бы из семьи.

Бенедикт понимал, что ему следует держать рот на замке, но что-то в этой женщине настолько раздражало его, что он не удержался и заметил:

– У него мог быть брат, который умер раньше.

– Такого брата у него не было.

Розамунд и Поза с величайшим интересом следили за обменом любезностями, вертя головами то вправо, то влево – то на Бенедикта, то на мать.

– А сестры? – не отставал Бенедикт. – Я спрашиваю лишь потому, что сам я из большой семьи. – Он кивнул в сторону Розамунд и Поза. – И я подумал, что, быть может, у ваших дочерей есть кузены или кузины. Тогда они бы не чувствовали себя такими одинокими.

Бенедикт и сам понимал, что объяснение не из лучших, однако другого он не придумал – пускай довольствуются этим.

– У него была одна сестра, насколько я помню, – ответила графиня презрительно, – но она всю жизнь прожила одна да так и умерла старой девой. Она была глубоко верующей и целиком посвятила себя благотворительности.

Что ж, следовательно, здесь ему искать нечего.

– Мне очень понравился вчера ваш бал-маскарад, – вдруг раздался голос Розамунд.

Бенедикт с изумлением взглянул на нее. Девушки все время молчали, так что он о них даже забыл.

– Этот бал давала моя матушка, – ответил он. – Я в его подготовке не принимал никакого участия. Но я с удовольствием передам ей ваши слова.

– Я была бы вам очень признательна, – проговорила Розамунд. – А вам понравился бал, мистер Бриджертон?

Прежде чем ответить, Бенедикт несколько секунд внимательно смотрел на нее. Взгляд у нее был жестким, как будто она хотела его в чем-то уличить.

– Весьма, – ответил он наконец.

– Я обратила внимание на то, что вы много времени провели с одной дамой, – не отставала Розамунд.

– Вот как? – пробормотал Бенедикт.

– Она была в серебристом платье. Кто эта особа?

– Таинственная незнакомка, – ответил Бенедикт с загадочной улыбкой. Ни к чему им знать, что она и для него так и осталась незнакомкой.

– Но нам-то вы можете открыть ее имя, – заметила леди Пенвуд.

Бенедикт лишь улыбнулся и встал. Здесь он больше ничего не узнает.

– К сожалению, я должен идти, – учтиво проговорил он, отвесив изящный поклон.

– Вы так и не взглянули на ложки, – укоризненно проговорила леди Пенвуд.

– В другой раз, – ответил Бенедикт. Он не сомневался, что матушка не ошиблась и герб на перчатке действительно фамильный герб семейства Пенвуд. Кроме того, он чувствовал, что если пробудет в компании малоприятной графини Пенвуд еще хоть немного времени, его стошнит.

– Очень рад был с вами познакомиться, – солгал он.

– Мы тоже, – ответила леди Пенвуд и поднялась, чтобы проводить Бенедикта до двери. – Жаль только, что вы пробыли у нас так мало времени.

Бенедикт не удосужился ей снова улыбнуться.

– Ну и что бы мог значить этот его визит, как ты считаешь? – спросила Араминта, когда за Бенедиктом Бриджертоном закрылась дверь.

– Я считаю... – начала было Поза, но мать резко оборвала ее:

– Тебя я не спрашиваю!

– Значит, нужно было обращаться к Розамунд, – буркнула Поза, обычно не позволявшая себе подобных выпадов.

– Может быть, он увидел меня издалека и... – проговорила Розамунд.

– Он не видел тебя издалека! – с раздражением оборвала дочь Араминта.

Розамунд изумленно воззрилась на нее. Мать редко разговаривала с ней в таком тоне.

– Ты же сама сказала, что он был увлечен какой-то особой в серебристом платье.

– Я не говорила, что он был увлечен...

– Не спорь со мной по пустякам! Был ли он ею увлечен, не был ли, он пришел сюда не ради вас, – презрительно бросила Араминта. – Не знаю, что ему было нужно, но...

Говоря это, она подошла к окну, откинула занавеску, и слова замерли у нее на губах: мистер Бриджертон, стоявший на тротуаре, вытаскивал что-то из кармана.

– Что он делает? – прошептала она.

– По-моему, вытаскивает из кармана перчатку, – подсказала Поза.

– Это не... – машинально возразила Араминта, привыкшая возражать всему, что бы ни сказала Поза. – А впрочем, пожалуй, ты права, это действительно перчатка.

– Думаю, я в состоянии узнать перчатку, – пробормотала Поза.

– Что это он разглядывает? – спросила Розамунд, отталкивая сестру в сторону.

– На перчатке что-то вышито, – проговорила Поза. – У нас есть перчатки с гербом Пенвудов. Может, и на этой перчатке какой-то герб?

Внезапно Араминта побледнела.

– Что с тобой, мама? – встревожилась Поза. – Тебе нехорошо? Ты так побледнела.

– Он искал ее, – прошептала Араминта, не отвечая.
– Кого ее? – не поняла Розамунд.
– Женщину в серебристом платье.
– Но почему именно в нашем доме? – удивилась Поза. – Ведь я была на балу в костюме русалки, Розамунд – Марии Антуанетты, а ты – королевы Елизаветы.
– Туфли... – ахнула Араминта. – Туфли...
– Какие еще туфли? – раздраженно бросила Розамунд.
– Они поцарапаны. Кто-то надевал мои туфли. – Лицо Араминты, и без того мертвенно-бледное, побледнело еще сильнее. – Это она! Но как такое может быть? И все-таки больше никому.
– Кто? – спросила Розамунд.
– Мама, ты правда хорошо себя чувствуешь? – снова спросила Поза. – На тебе лица нет. Но Араминта, не отвечая, уже выбежала из комнаты.

– Дурацкие туфли! Ненавижу вас! – бормотала Софи себе под нос, энергично орудуя щеткой. – А эту пару она даже не носила.

Вычистив очередную пару туфель, она поставила ее в конец длинного ровного ряда и уже собиралась приняться за следующую, как дверь стенного шкафа распахнулась с такой силой, что ударилась о противоположную стену, и Софи испуганно вскрикнула.

– О господи, как же вы меня напугали! – воскликнула она, обращаясь к ворвавшейся в тесное помещение Араминте. – Я не слышала, как вы вошли и...

– Собирай вещи! – яростно прошипела Араминта. – К утру чтобы духу твоего в моем доме не было!

Щетка выпала у Софи из рук.

– Что?! – ахнула она. – Но почему?

– А должна быть какая-то причина? Мы обе знаем, что я уже год назад исчерпала все средства на твое содержание. Больше я держать тебя здесь не желаю.

– Но куда мне идти?

Глаза Араминты превратились в узенькие щелочки.

– Мне на это глубоко наплевать.

– Но...

– Тебе уже двадцать лет. Вполне зрелая девица. Хватит мне уже с тобой нянчиться!

– Вы никогда со мной не нянчились, – шепотом возразила Софи.

– Не смей так со мной разговаривать!

– А почему, собственно, нет? – уже в полный голос бросила Софи. – Что я теряю? Вы в любом случае выгоните меня из дома.

– Могла бы оказать мне немного уважения, – прошипела Араминта, прижав ногой юбку Софи и не давая ей подняться, – учитывая, что я весь последний год кормила и одевала тебя по доброте душевной.

– Вы ничего не делаете по доброте душевной. – Софи потянула за юбку, однако Араминта не отпускала ее. – Зачем вы меня здесь держали?

– Ты дешевле, чем обычная горничная, – осклабилась Араминта, – и потом, мне было так приятно отдавать тебе приказания.

Софи и сама это понимала. Понимала, что Араминта превратила ее в свою рабыню, но Пенвуд-Хаус был ей домом, миссис Гиббонз относилась к ней как к родной, Поза всегда была с ней добра, а что она знает об остальном мире? Да практически ничего. Куда ей идти? Что делать? Чем зарабатывать себе на жизнь?

– Но почему именно сейчас? – спросила она.

Араминта пожала плечами:

– Потому что от тебя больше нет никакой пользы.

Софи взглянула на длинный ряд вычищенной обуви.

– Разве?

Араминта вонзила острый каблук в юбку Софи с такой силой, что порвалась материя.

– Ты вчера была на балу-маскараде, ведь так?

Софи почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица: Араминта все знает!

– Н... нет, – пролепетала она. – Как бы я туда попала?

– Не знаю, как ты это сделала, но факт остается фактом: ты там была. – Араминта ногой подвинула Софи туфли. – Надень.

Софи в ужасе взглянула на них. Это были те самые туфли, которые она надевала вчера на бал, белые, шелковые, прошитые серебряной ниткой.

– Надевай! – взвизгнула Араминта. – Я знаю, что туфли Розамунд и Позы тебе велики, и ты могла надеть только мои.

– С чего вы взяли, что я ездила на бал? – голосом, полным отчаяния, спросила Софи.

– Надень туфли, Софи.

И Софи подчинилась. Естественно, туфельки пришлись как раз впору.

– Ты перешла все границы, – тихо проговорила Араминта. – Давным-давно я уже предупреждала тебя, чтобы ты не забывала свое место в этом мире. Ты незаконнорожденная, плод преступной связи...

– Я это и так знаю! – выпалила Софи.

Араминта насмешливо вскинула брови, явно довольная тем, что вывела Софи из себя.

– Тебе не место в приличном обществе, – продолжала она, – и тем не менее, осмелившись отправиться на бал-маскарад, ты возомнила себя ровней всем нам, представителям светского общества.

– Да, я осмелилась это сделать! – выкрикнула Софи. Ей было уже наплевать на то, откуда Араминта это узнала. – Осмелилась! И сделала бы это еще раз! Я такого же аристократического происхождения, что и вы, но по сравнению с вами я гораздо добрее, человечнее и...

Араминта размахнулась, и Софи рухнула на пол, держась за пылающую щеку.

– Не смей сравнивать себя со мной! – крикнула Араминта.

Софи так и осталась лежать на полу, не делая ни малейшей попытки подняться. Как мог отец оставить ее на попечение женщины, которая так ее ненавидит? Как он мог так поступить? Неужели он не испытывал к ней никаких чувств? А может быть, он просто не знал, на что способна его женушка?

– Чтобы утром тебя здесь не было, – тихо сказала Араминта. – И больше я никогда не желаю тебя видеть.

Софи встала и направилась к двери, но Араминта схватила ее за плечо.

– Сначала ты закончишь работу, которую я приказала тебе сделать.

– Но ведь это на всю ночь, – ужаснулась Софи.

– Это уж твое дело, – отрезала Араминта и, захлопнув за собой дверь, заперла Софи на ключ.

Софи уставилась на мерцающее пламя свечи, которую она захватила с собой и поставила на пол, чтобы в длинном темном стенном шкафу стало хоть немного светлее. До утра этого огарка явно не хватит.

Софи уселась на пол, скрестив руки на груди и положив ногу на ногу, и задумалась. Завтра с рассветом ее жизнь изменится навсегда. Быть может, Пенвуд-Хаус и не был к ней слишком дружелюбен, но по крайней мере она чувствовала себя здесь в безопасности.

У нее практически не было денег. За последние семь лет от Араминты она и гроша ломаного не получила. Хорошо еще, что не истратила деньги, которые подарил ей отец в те далекие времена, когда она была его подопечной, а не рабыней его жены. У Софи было немало

возможностей их истратить, но она хранила их на черный день. Чутье подсказывало ей, что он непременно наступит.

Денег было немного, всего несколько фунтов, на них она, конечно, долго не продержится. Чтобы выехать из Лондона, ей потребуется билет, а чтобы купить его – деньги. Вероятно, больше половины той суммы, которую она скопила. Можно было, конечно, ненадолго остаться в Лондоне, но в лондонских трущобах не безопасно, а на более приличные апартаменты у нее нет денег. И потом, если уж она собирается начать самостоятельную жизнь, можно вернуться в деревню, которую она так любит.

Не говоря уже о том, что в Лондоне живет Бенедикт Бриджертон. Лондон, конечно, большой город, и вероятность того, что она с ним встретится, крайне мала, но Софи боялась, что не сможет удержаться и будет приходить к его дому в надежде хоть мельком его увидеть.

И если он ее заметит... Софи не знала, что произойдет в этом случае. Он может рассердиться на нее за то, что она его обманула. Может захотеть сделать ее своей любовницей. Может вообще не узнать ее.

Единственное, что она совершенно твердо знала: он не упадет к ее ногам, не признается в любви и не попросит выйти за него замуж.

Сыновья виконтов не женятся на незаконнорожденных девицах. Даже в романах.

Нет, ей придется уехать из Лондона, подальше от соблазна встретиться с Бенедиктом. А для этого ей нужно больше денег, чем у нее есть, чтобы продержаться до того, как она найдет работу.

Взгляд Софи упал на что-то блестящее – застёжки стоявших в углу туфель, украшенные драгоценными камнями. Она собственноручно чистила эти туфли час назад и знала, что застёжки можно легко снять и спрятать в кармане.

Но осмелится ли она это сделать?

Софи подумала о всех тех деньгах, которые Араминта получила на ее содержание, деньгах, которыми она не пожелала делиться.

Подумала обо всех годах, в течение которых прислуживала ей абсолютно бесплатно.

Потом подумала о совести и поспешно отогнала от себя мысли о ней, не до нее сейчас.

И отстегнула застёжки.

Несколько часов спустя, когда пришла Поззи – поступив вопреки материнской воле – и выпустила ее, Софи упаковала все вещи и вышла из дома.

И даже не обернулась.

Часть вторая

Глава 6

Уже целых три года никто из детей Бриджертонов не женился и не выходил замуж, и прошел слух, будто леди Бриджертон неоднократно заявляла, что ее отпрыски сведут ее с ума. Бенедикт и не думает жениться (автор этих строк считает, что в тридцать лет уже давно пора было бы это сделать), равно как и Колин, хотя последнего за подобную неспешность можно и простить: в конце концов, ему всего двадцать шесть.

У вдовствующей виконтессы есть еще и две дочери, за которых у нее болит душа. Элоизе уже почти двадцать один год, и хотя она получила несколько предложений, не выказывает пока никаких намерений выйти замуж. Франческа почти двадцать (сестры умудрились родиться в один день), и она тоже больше интересуется балами и вечерами, чем замужеством.

Однако автор этих строк чувствует, что леди Бриджертон не о чем беспокоиться. Наверняка ее дети рано или поздно найдут себе достойную партию. Кроме того, у нее уже появилось пятеро внуков от двоих женатых отпрысков, так что жаловаться ей особенно не на что.

*«Светская хроника леди Уистлдаун»,
30 апреля 1817 года*

Выпивка и сигары. Игра в карты и продажные женщины. Если бы он был желторотым выпускником университета, наверняка подобная вечеринка прилась бы ему по душе.

Но сейчас она лишь нагнала на него тоску.

Он и сам не понимал, зачем согласился на нее поехать. Наверное, тоже от скуки. Лондонский сезон 1817 года оказался точной копией лондонского сезона 1816-го, который он с трудом вынес. И снова через все это проходить казалось смерти подобно.

Он почти не был знаком с хозяином дома, где проводилась вечеринка, неким Филиппом Кавендером, приятелем приятеля его приятеля, и теперь страшно жалел, что не остался в Лондоне. Хотя остаться мог бы, предлог для этого у него был отличный: только что перенесенная сильнейшая простуда. Но его приятель – которого, кстати, он не видел уже в течение четырех часов – так яростно его уговаривал, что Бенедикт в конце концов согласился.

И теперь жестоко в этом раскаивался.

Он прошел по главному холлу особняка, принадлежавшего родителям Кавендера. В комнате, расположенной по левую руку, всюду шла игра в карты. Ставки были непомерные. Один из игроков сидел весь красный и потный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.